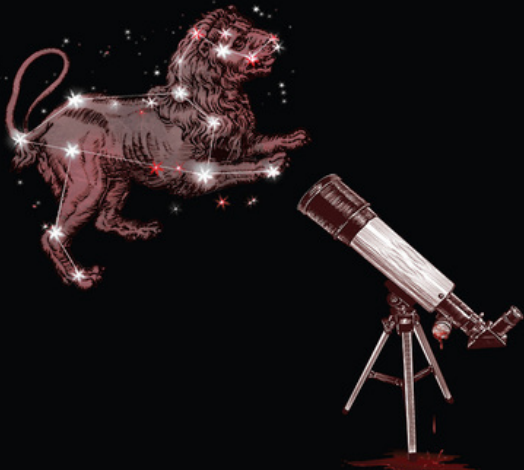

Наталья Андреева

детектив & загадка

И на небе есть Крест, или
Ловушка для падающей звезды

Наталья Вячеславовна Андреева И на небе есть Крест, или Ловушка для падающей звезды

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6191526

*Андреева Н. В. И на небе есть Крест, или Ловушка для падающей
звезды : роман : Эксмо; Москва; 2013*

ISBN 978-5-699-66850-2

Аннотация

Кого не манили волшебные огни шоу-бизнеса? Кто не мечтал о звездной жизни, деньгах и славе? Рок-музыканту Коле Краснову несказанно повезло. Его мечты реализовались в облике успешного продюсера Льва Антоновича Шантеля. Условие было одно: безоговорочное послушание. Коля должен избавиться ото всех, кто не угоден Шантелю. В том числе и от любимой девушки Фисы, которая показалась Льву Антоновичу простоватой. В результате Фиса «случайно» выпала из окна студии звукозаписи и разбилась насмерть, а Коля женился на Еве, бывшей любовнице денежного мешка Фонарина. Но это только начало истории. В жизни новой звезды вдруг появился человек, удивительно похожий на Колю Краснова. Да еще с такой же фамилией в паспорте! Коля понял, что провинился и его хотят заменить двойником. Он вынужден был заказать киллеру... себя самого.

Содержание

Часть первая	4
Меркурий[1]	4
Марс[2]	21
Юпитер[3]	28
Плутон[4]	36
Уран, Нептун[5]	41
Венера[6]	44
Земля	65
Сатурн[7]	77
Часть вторая	89
Ио[8]	89
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Наталья Андреева И на небе есть Крест, или Ловушка для падающей звезды

Часть первая Парад планет

Меркурий¹

Он широко зевнул и прикрыл ладонью уставшие глаза: скучно. Жить стало невыносимо скучно. И что за отвратительный месяц – март! Вялость, сонливость, тоска какая-то непонятная, потеря аппетита. Ассистентка режиссера мину-ту назад поставила диск с только что отснятым клипом. Его, продюсера всего этого безобразия, хватило ровно на мину-ту, и интерес пропал. Милая малышка, чья-то протеже, пою-щие трусы, в общем, щебетала любовную дребедень про ро-

¹ Меркурий – древнеримский бог – покровитель торговли. Ближайшая к Солнцу планета системы.

зы – слезы, дожди – не жди, ревную – поцелую. Смотреть на нее было приятно: чертовски симпатичная девчонка, глаза огромные, волосы светлые, до плеч, ноги длинные, обтянутые блестящими брючками, голый пупок и упругая попка выглядят весьма соблазнительно. Все они красивые в восемнадцать лет. Но – скучно.

Он сразу понял: не то. Песни нужны затем, чтобы их слушать. Музыка первична. А на эту разве что смотреть приятно. И дело вовсе не в том, что у девчонки нет ни голоса, ни слуха. У кого он нынче есть, спрашивается? У единиц, которым и цена соответствующая. А остальные... Современная аппаратура все подчистит, отмикширует, вытянет. Нет в девчонке индивидуальности, чего-то особенного нет, что отличало бы новую звездочку от всех прочих. Нынче многие готовы вкладывать деньги в шоу-бизнес. Да во что угодно, лишь дело было прибыльным. Деньги есть, талантов нет. Некого раскручивать, вот и приходится браться за этих... Как там ее?

– Эмма, – подсказала ассистентка.

Он снова протяжно зевнул. Малышка поправила светлые локоны, моргнула густо накрашенными ресницами и сладким голоском затянула:

– Выпью до дна океан... а-а-а... твоих глаз... а-а-а... И останусь в нем одна... а-а-а...

– Чего-чего? – Лев Антонович Шантель широко открыл глаза. – Как это она в нем останется, если выпьет? Кто писал

текст?

– Возможно, это символизирует будущую беременность, – пожевала губами ассистентка. И обиженно заметила: – Во-первых, сейчас модно выражаться туманно, чтобы никто ничего не понял, а во-вторых, другие еще и не такое поют!

– Да плевать мне на других! – взвился Лев Антонович. – Пусть выражаются, как хотят! Хоть матом! Мне это не нравится! Мне! Понятно?!

– А что вы на меня кричите? У девочки, между прочим, есть спонсор, – огрызнулась ассистентка.

– А-а-а... Тогда понятно...

Клип закончился, малышка допела про океан глаз, который собиралась выпить до дна, и сладко причмокнула губами. Лев Антонович содрогнулся. Какая пошлость! Возникло ощущение, будто в сжатой ладони растаяла карамелька, и рука стала отвратительно липкой.

– Ну а как в целом? – осторожно спросила ассистентка.

– В целом...

Она терпеливо ждала, а он все подыскивал слова. Похоже, на телефоне у ассистентки висит тот самый спонсор в ожидании ответа. У него деньги, у Шантеля связи. Льву Антоновичу надо только дать сигнал – и понеслось! А ассистентке пообещали откат. Знакомое дело.

Он так и не ответил. А она, не будь дура, не стала педалировать. Чем дольше Лев Антонович молчит, тем больше она выжмет денег из спонсора этой девочки. За хлопоты, мол.

- Что, запускать следующий клип? – услышал наконец он.
- погоди, дай передохнуть.
- Как скажете, Лев Антонович.

Вот уже год он искал своего солиста. Или солистку. А уж что там будет: дуэт, трио, да хоть хор – это уже неважно. Главное, чтобы в центре сего действия находилась личность, человек, на которого, как на стальной стержень, можно нализать всю эту карусель: сверкающие огни, дым, валящий из всех щелей, подтанцовку, этих виляющих бедрами девочек с ногами от ушей, да хоть симфонический оркестр! Хотя оркестр, конечно, дорого. Не потянет. Ничего... Главное – это звезда, личность неординарная, идол, ради кого и будут ходить на концерты толпы многочисленных фанатов... А где его взять? Где?

Шантель спустился в бар, завис возле стойки, пытаясь прогнать сонливость. Март – отвратительный месяц. Не его время. Может, девчонка здесь ни при чем, это просто март и навалившаяся усталость. К тому же спонсор... За этой Эммой стоят деньги, которые надо освоить. Потом, конечно, придется делиться, но до того момента либо ишак издохнет, либо падишах помрет. «В мире неспокойно», – усмехнулся Шантель. Надо запускать клип.

Лев Антонович мигом оценил собравшуюся в баре публику: обычная тусовка, из тех, кто пасется около шоу-биза в надежде урвать кусочек, этот бар в центре Москвы у нее весьма популярен. Но ни одного сколь-нибудь стоящего персонажа.

– Лева, привет! – Рядом с ним на высокий табурет плюхнулся знакомый аранжировщик. – И бросил бармену: – Водки. Я слышал, у тебя работа есть?

– Какая работа? – насторожился Шантель.

– Ну, как же! Ты Эмму собираешься раскручивать. Альбом надо писать, так я готов. Есть классный композитор. Хочешь, сведу тебя с ним?

«Выходит, все уже в курсе. За моей спиной спонсорское бабло делят. Мигом нарисовался! И еще одну пиявку отыскал, готовую присосаться. Как же быстро по Москве расходятся слухи!»

– Не надо ничего, – поморщился Лев Антонович. – Я еще не решил.

– Что, девчонка не нравится? А зря, хорошая девочка. Давай сделаем из нее русскую Бритни Спирс. А?

– Она не потянет. И у нас столько денег нет. И потом... – Он махом выпил виски. – Ну почему у нас так любят делать из русских кого-то? А? Русский Спилберг, русский «Оскар», русский Майкл Джексон, русская Бритни Спирс. Почему у них все свое, а у нас их? Почему слово «русский» теперь обязательно к кому-то или к чему-то только приставка?

– Лева, да ты патриот! С такой-то фамилией... Смешно. Как говорится, ничего личного, но мелодии-то ты у кого раньше таскал, а? Помню я одну оч-чень известную шведскую группу, лет пятнадцать назад мы с тобой на пару... Кажется, это называется плагиат.

– Иди ты на... – вяло отреагировал Шантель. Март, тут уж ничего не поделаешь, даже обидеться как следует на этого жирного придурка сил нет.

– Зря ты так, Лева. Это они у нас стадионы собирают, а не мы у них. Мы их к себе зовем, а не они нас. И огромные деньги, между прочим, платим. А они на наши хит-парады клали. Так что патриотизм здесь, как говорится, неуместен. И я к тебе с миром пришел, с пальмовой ветвью, можно сказать. Несу, дарю. В надежде, что и меня не забудут.

– Ну? Говори, – сквозь зубы процедил Шантель, уже решив, что «соавтор» у него работы больше не получит. Никогда. Букашка, а туда же! Жизни учить вздумал! Сука!

– Тусили мы вчера в одном ресторанчике. Кухня – дерьмо, цены ломовые, официанты хамло то еще, но не суть. У них креативный арт-директор. Умница просто. Ангажировал на весь зимний сезон оч-чень интересную рок-группу. Пока снег не сойдет. И вот за-ради нее народ горелые бифштексы лопают и разбавленные коктейли по цене французского коньяка пятнадцатилетней выдержки заказывает. И я послушал. Интересный у них солист, Лева.

– Не надо, – скривился Лев Антонович. – Не надо, я не люблю самодеятельность.

– Так я бы тебя на самодеятельность не посылал. Я тебя на парня посылаю посмотреть. Все остальные – говно. А он – слиток золота. Я думаю, что именно он-то тебе и нужен. Ты ведь деньги хочешь вложить и ни с кем потом не делить-

ся. Понятно, тебе девочка Эмма неинтересна. Так пойдя, на мальчика глянь.

– И что, поет хорошо? Голос есть?

– Так, рядовые данные, ничего особенно выдающегося. Вокал, конечно, хромает. Ну, так это все вытянуть можно. Но зато он занятные песенки пишет. Оч-чень занятные. И у него есть драйв. На него, Лева, хочется смотреть. Его хочется слушать.

– Композиторов в Москве полно.

– Да где ж они? Ты когда последний хит слышал? Так, чтобы до печенок достало?

– Давно, – признался Шантель. – Что-то с людьми случилось, ты прав. Давно уже никто не пишет ничего стоящего.

– А я тебе о чем говорю? Главное – это песня. Родить хит. А парень не просто поет, он ловит кайф от того, что делает, и другие тоже начинают ловить этот самый кайф. Он такой один на всем белом свете. Николай Краснов.

– Никогда не слышал.

– А ты сходи, послушай.

– Тебе что, выпить еще хочется? Выпить хочется, а денег нет. Хорошо, я заплачу. Только пересядь за столик, оч-чень тебя попрошу. Оставь меня одного. Мне подумать надо.

– Ты мне потом заплатишь. Я тебе такой подарок на блюдечке принес! Не скупись, Лева! Не забудь меня в мечтах своих о светлом будущем!

– Исчезни, слышишь?

– Ресторан называется «Триада», – сложив губы трубочкой, просвистел толстяк. – Улица... Да я тебе лучше напишу, Лева. Напишу и схемку нарисую, как добраться. Чтобы ты не заблудился. Но не забудь: ты мне будешь должен.

Шантель скрипнул зубами, когда бумажная салфетка с адресом и схемой проезда в какую-то «Триаду» жирными пальцами была чуть ли не насильно засунута в нагрудный карман его дорогой рубашки. Наверняка этот Николай Краснов заплатил мужику за то, чтобы попытаться хотя бы заинтересовать своей персоной известного продюсера. Заманить Шантеля в ресторан, где лабают никому не известная рок-группа. Как она там называется? Ход не новый, далеко не оригинальный, исполнители, пытающиеся пробиться в шоу-биз, используют любой шанс. Бывает, что и у дома караулят, добывают где-то номер телефона, названивают, умоляют хотя бы послушать, а лучше взглянуть одним глазком. Все эти непризнанные гении оставаться таковыми всю свою жизнь не хотят. А хотят они денег, славы, дорогих машин, хороших квартир и хорошей еды, от которой тут же неимоверно жиреют и становятся ленивыми и заносчивыми.

Все это Лев Антонович уже проходил. Достало.

Хоть бы кто-то пожелал сделать этот мир чуточку лучше! Подарить людям хорошую музыку, причем не думая о том, что ему за это будет! Сколько денег и какое количество славы. Песни хорошие подарить, от которых душа поет! Нет, все они сами считают себя подарками, сделают на копейку, а

запрашивают миллион. Причем оценивают свое творчество совершенно неадекватно. Эгоисты чертовы.

Шантель чуть не застонал от досады. Проклятый март! Это авитаминоз, на фоне него и развилась депрессия. Все без исключения раздражают. Нельзя так плохо думать о людях. Если хочешь заработать деньги на их свободном от работы и сна времени, их надо понимать и любить. Не понял – прогорел.

Ничего, образуется как-нибудь.

Куда теперь? Домой? И тут словно солнечный лучик проглянул из нависшей тучи. Аленка! Поистине не девушка, а клад! Красавица, умница, студентка МГУ, великолепная спортсменка. Уже полгода они вместе, и не в пример всем прочим его девицам Аленка ни разу даже не заикнулась о том, что Лев Антонович, известный продюсер, непременно должен свою любовницу «раскрутить», поднять ее на вершину музыкального олимпа. Кто, как не она, поймет уставшего мужчину, измученного авитаминозом и депрессией в этот тяжелый мартовский день!

Поднимаясь в лифте, Лев Антонович невольно улыбался. Уютная квартирка, которую он снял для Аленки, – единственное место, где можно ни слова не говорить о работе. Где от него требуют исполнять не профессиональные обязанности, а только обязанности приятные.

Аленка тут же открыла дверь, едва он позвонил, словно ждала, с визгом кинулась на шею:

– Левушка, пришел наконец!

– Аленка, – счастливо выдохнул он, проведя рукой по густым каштановым волосам. Потом отстранился: – Ну-ка, ну-ка, что это на тебе надето?

Она завертелась юлой, демонстрируя свой наряд. Маечка-топ, из-под которой соблазнительно выглядывает голый пупок, блестящие брючки, приспущенные на бедрах... Кокетливо провела рукой по распущенным волосам:

– Ну как?

– Великолепно! – искренне сказал он.

Непрошенные ассоциации Лев Антонович тут же прогнал прочь. Ну откуда ей знать, что он видел в просмотренном сегодня клипе, как именно была одета солистка? Это мода такая, ничего не поделаешь, все молодые и стройные носят короткие маечки и блестящие брючки в обтяжку.

Вечер начался как обычно, и тревожный звоночек в душе ни разу не прозвенел. Аленка изо всех сил пыталась ему понравиться, мило щебетала, накрывая стол для ужина, по квартире просто порхала, так что Лев Антонович совершенно расслабился. Она поставила рядом с тарелками какие-то особенные, красные свечи с одуряющим запахом, вазу с цветами, которые он подарил ей вчера. А сегодня, дурак, забыл! Это же не девушка, а сокровище! Вон как старается! Надо ее баловать...

– ...всегда хотелось, чтобы родители называли меня как-нибудь по-другому.

– Что-что? – Он очнулся. – Извини, задумался. Работы много.

– Ты у меня такой труженик! Мне всегда хотелось разделить твою ношу. – Он удивленно поднял брови. – Аленка – это слишком простенько. И потом, давно уже занято. Вот если бы Анжела... Всегда ведь можно взять псевдоним? Все так делают. Ты придумаешь для меня что-то особенное. Ведь правда, милый?

– Какой псевдоним? Для чего? – не сразу понял он.

– Мне недавно звонили... Не буду говорить кто, чтобы ты не рассердился. Ты правда недоволен этой Эммой?

– При чем здесь она?

– Лева, ты словно не замечаешь! – Аленка надула губки.

– Чего не замечаю?

– Что я не хуже этой твоей Эммы, вот чего!

– Алена...

– Ну почему ты ищешь кого-то на стороне? Между прочим, в детстве мама водила меня в музыкальную школу...

– Я не понимаю... – Лев Антонович и в самом деле отказывался это понимать. – Зачем тебе непременно нужно петь?

– Как это зачем? – рассердилась она и сразу подурнела. Он вдруг заметил, что у нее курносый нос, и она им неприятно дергает, когда злится. Похожа в этот момент на крольчиху. – Какая-то Эмма будет знаменита на всю страну, а я? Чем я хуже? Я так хочу сниматься на обложках глянцевого журнала! Все в один голос твердят, что я оч-чень фотогенична!

А ты этого словно не замечаешь!

Еще бы любовнице известного музыкального продюсера не говорили, что она время даром теряет. Давно уже следовало намекнуть Льву Антоновичу, зачем молодая красивая девушка с ним спит. Долго же она держалась. Не в пример всем прочим. Вот что значит МГУ!

Лев Антонович понял, что это конец. Слава богу, что он не давал никаких обязательств. Не обещал жениться, вложиться в раскрутку. А ведь чуть было не влюбился! Чуть-чуть не дождала. Надо покончить с этим немедленно, прямо сейчас. Он окинул девчонку оценивающим взглядом. А ноги у нее короткие. И нос подкачал. Пошла бы лучше сделала пластику.

– Долго терпела? – зло спросил он.

– Ты это о чем, Лева?

– Когда мы только-только познакомились, ты уже все придумала, так? У тебя был план. Сам по себе я тебя не интересую, верно? Просто как Лев Антонович Шантель, мужчина сорока с небольшим лет, разведенный, без жилищных и материальных проблем, я тебе не интересен совсем. Мало, да? Тебе нужен продюсер, которого ты выжмешь, как тряпку, а когда взять с него больше будет нечего – бросишь. Как моя бывшая жена. А пошла бы ты куда подальше!

– Ты-ы-ы... – выдохнула она удивленно. – Оскорбляешь меня, да?

– Пошла вон!

– Козел! – взвизгнула Аленка. – Я у себя!

– Ах да, забыл. Я пришлю за своими вещами. Квартиру можешь оставить за собой, только заплатить не забудь.

Он поднялся и отшвырнул салфетку. Сука! Потом не спеша направился к двери.

– Ты... ты еще пожалеешь! – нашлась наконец она.

– О чем? – с тоской обернулся Лев Антонович, надевая пальто.

В течение десяти секунд, пока он застегивал пуговицы, правильного ответа она не нашла, не такая уж оказалась умница, а дольше Лев Антонович ждать не стал. Сколько еще в Москве таких вот Аленок? Мечтающих о славе и уверенных, что путь к ней лежит через постель продюсера. Надо бы менять их почаще. Выходит, что полгода – это намеченный ими срок. Дальше они ждать не хотят, не понимаешь, милый, что от тебя требуется, так я скажу. Значит, так и запишем: полгода, не больше.

Ему захотелось напиться. Так, чтобы до блевотины, чтобы вышла в унитаз вся желчь. Смыть ее, пережить тяжелое похмелье и дальше съесть что-нибудь диетическое. Перекантоваться пару месяцев, а потом – в новый омут с головой. Но на полгода, не больше.

Лев Антонович машинально сунул руку в карман пальто проверить наличность и наткнулся на мятую салфетку. Он хотел ее выбросить, но почему-то переложил в другой карман, когда уходил из своего офиса. Теперь он удивленно вер-

тел салфетку в руке. Домой ехать не хотелось.

«А и черт бы с ним! Если разочаровываться, то разочаровываться до конца, по полной программе! Пусть будет «Три-ада».

...Первое, что он подумал: насчет ломовых цен и отвратительной кухни приятель его не обманул. Да и обслуживание оставляет желать лучшего. Но народу в ресторане много, и Лев Антонович решил подождать того же, что и все прочие.

Дождался. Конферансье объявил, захлебываясь от восторга:

– А сейчас вы услышите группу «НЛО»! Фанаты, трепещите! Вот они уже идут! Встречайте! Отрывайтесь!

Крики, девичий визг. В зале была в основном молодежь, на опытный взгляд Льва Антоновича, многие под кайфом. Значит, «НЛО». Гм-м-м... Трио, что ли?

На маленькую сцену их вышло четверо. Шантель привычно оценил: рок-группа, начинающие. Вокалист, бас-гитара, клавишник и ударник. Крошечного роста ударник почти исчез за своими инструментами, торчала одна только макушка. Да и плевать. Лев Антонович смотрел только на парня, держащего в руках гитару-соло. Этот, что ли, Николай Краснов? И что в нем особенного?

У парня было ничем не примечательное лицо, можно даже сказать, невыразительное. Далекое не красавец, но и не урод. Лучше, конечно, первое, но и второе неплохо. По крайней мере, фрики запоминаются. Все лучше, чем никак. Шантель

неприязненно смотрел на тонкие темные усики парня, на его круглые черные очочки, прямо какие-то детские, на длинные пепельные волосы, резинкой стянутые в жидкий хвост. Сложение Коли Краснова трудно назвать атлетическим, напротив, у него узкие плечи, тощие ноги, бицепсы и трицепсы явно никогда не знали спортивных снарядов. Шантель неприязненно отметил, что солист «НЛО» весь какой-то взвинченный, нервный. Колется, что ли?

Он не запел, нет. Запричитал на одной ноте, тронув струны гитары, завыл, застонал, раскачиваясь. Это можно назвать чем угодно, только не пением. Не говоря уже о тексте. «Пускай уколется последнее дело, но что остается, раз жизнь надоела?»

Шантель замер, прикрыл глаза, втянул голову в плечи. Какой ужас! И за этим он сюда пришел?! Это не пение, это... То ли стон, то ли монотонная жалоба. Отвратительно. Он кто, этот Краснов? Тот словно услышал: «Ведь я – человек, и мне надо всего-то под вечер любовь, а наутро работу».

Когда-нибудь это кончится?!

«Пускай уколется последнее дело, но что остается, раз жизнь надоела?» – стонал уже весь зал.

Песня кончилась, другую Шантель слушать не стал. Всеобщее безумие, вот как это называется! Лев Антонович встал, вложил в корочки со счетом деньги, не оставив этим козлам чаевых, и поспешил из душного зала на воздух. Приятель очумел, не иначе. Послать его сюда послушать этого

безумца, этого одержимого!

«Такого больше нет». Лев Антонович чуть под машину не попал, переходя дорогу. И расстроился окончательно. Ну что за жизнь, а? Сволочная, иначе не назовешь.

«Ведь я человек, — вспомнил он. — И мне надо всего-то под вечер любовь, а наутро работу». Получил он ее? Любовь получил? Нет. Остается только работа. Да будь она проклята! «А что остается, раз жизнь надоела?»

«Под вечер любовь...»

«А наутро работу...»

«Ведь я — человек...»

Шантель не мог избавиться от наваждения. Песня прилипла, и все тут. В голове безостановочно вертелась пластинка. Ведь я — человек. А он прав, этот Коля Краснов, во всем прав! Каждым своим словом прав! Кого еще будут слушать загнанные в угол люди? В мире, где не работает ни один социальный лифт? Где повсюду — сплошная коррупция, и победить ее невозможно, там, где слетает под топором палача одна голова, мигом вырастают еще десять. И как со всем этим жить? Радоваться? Плодиться и размножаться? Во имя кого и во имя чего?

«А ведь я — человек».

Сильно. Конечно, за употребление наркотиков агитировать нельзя, это дурно пахнет. Но есть же у него и другие песни!

«Под вечер любовь, а наутро работу...»

Между прочим, и манера исполнения у него единственная, какая только возможна в его случае, у этого Краснова. С такими вокальными данными петь нельзя, надо говорить речитативом, монотонно, на одной ноте. Давить на мозги, просачиваясь туда своим дребезжащим голосом, своими словами, своими мыслями. И влияние этого безликого по первому впечатлению голоса может быть огромно. Николай Краснов – это явление. Он может не нравиться, может раздражать, но он личность, и песни его отнюдь не рядовые. Это тебе не розы – морозы, это философия определенной социальной прослойки, это...

Надо только направить *это* в нужное русло. Взять под свою опеку, под полный контроль. Шантель решительно развернулся и зашагал обратно к ресторану «Триада» дожевывать подгоревший бифштекс. Именно в этот момент он твердо решил, что будет работать именно с Николаем Красновым, только с ним и ни с кем больше.

Марс²

Коля Краснов нервно вертел в руках визитку и разглядывал сидящего перед ним мужчину, все еще не веря ни глазам своим, ни ушам. «Лев Антонович Шантель – музыкальный продюсер». Неужели свершилось? Как все буднично и просто: «Вы не могли бы уделить мне несколько минут? Я музыкальный продюсер, готов раскрутить вашу группу».

И вот его собеседник – представительный мужчина лет сорока, в неплохой физической форме, но животик уже наметился. Когда сидит, пуговичка на пиджаке расстегнута, иначе будет внатяг. Вот, значит, какое лицо у удачи: усталое, раздраженное, тонкий рот брезгливо поджат. Коля интуитивно почувствовал, что продюсер чем-то сильно недоволен, но старается держать себя в руках, поэтому и говорит негромко, подчеркнуто вежливо:

- Сколько вам лет, Николай?
- Двадцать шесть.
- Я так понимаю, вы и есть организатор всего этого безобразия?
- В смысле? – слегка напрягся Коля.
- Группы «НЛО». Кстати, а почему «НЛО»?
- По именам участников. Первые заглавные буквы.
- Но вас же четверо, а не трое.

² Марс – бог войны.

– Правильно. Эдик, Николай, Леонид и Олег. «эНЛО». Первая буква «э» не заглавная, а строчная, потому что Эдик – самый маленький. Ну, типа ростом не вышел для заглавной буквы.

– Барабанщик? – догадался Шантель и хмыкнул: – Остроумно. Но все равно не пойдет.

– Почему?

– Знаете старую пословицу? «Чем чуднее, тем моднее». Надо что-то броское, запоминающееся и непонятное. Но об этом после. Кто вы по профессии?

– Пожарник.

– Как-как? – откровенно удивился Шантель.

– В нашем маленьком городке ребятам одна дорога – в пожарный техникум. Кстати, таких по стране немного. В моем дипломе написано: «Инспектор пожарной охраны».

– Остроумно, – снова не удержался Шантель. – Значит, не москвич?

– Нет.

– В армии был?

– Да. Все, как положено: «Родился в роддоме, учился в школе, служил в армии, работал на работе». Полгода назад решил все бросить и приехал покорять Москву.

– А где живешь?

– На даче.

– Не совсем понял.

– Когда я приехал в столицу нашей родины, нанялся ра-

ботать сторожем в дачный поселок. Деньги маленькие, зато есть жилье. А по вечерам – сюда.

– Далеко ехать?

– Полтора часа на электричке и еще полчаса на метро. Через день. Все близко.

Лев Антонович живо представил себе его жизнь: наверняка ночует у одного из приятелей, потому что ресторан закрывается поздно. Домой только утром в холодной пустой электричке. На жизнь зарабатывает здесь, в этом зале, зарплата сторожа не считается. Там, в заброшенном на зиму дачном поселке, он и пишет свои унылые песни.

– Колешься? – внимательно посмотрел на солиста Шантель.

– Зачем? Ерунда все это.

– Тогда почему такие песни? Откуда?

– Не знаю. Захотел – написал.

– А почему ты в темных очках? Имидж такой?

– Нет. Зрение слабое, не выношу яркого света.

– А как же армия?

– Тогда все было в порядке.

– Но здесь вроде бы нет яркого света. Сними, – кивнул Шантель на темные очки.

Николай Краснов послушно их снял. Без очков лицо его было совсем уж невыразительным, плоским. Если б не тонкие усики, взгляду не за что было бы зацепиться.

– Усики и темные очки оставить, – решительно сказал

Шантель. – И волосы тоже.

– Я и не собирался стричься.

– Ты чего вообще по жизни хочешь, Коля? – резко сократил вдруг дистанцию Лев Антонович. – Денег? Славы?

– Я не думал об этом.

– Женат был?

– Нет.

– Значит, свободный художник. Проблемами себя не обременяешь. Детство, что ли, еще не кончилось? – слегка проверил его Шантель. Парень не обиделся, не взвился, отреагировал спокойно. Лев Антонович удовлетворенно вздохнул: терпение – достойнейшая добродетель для того, кому предстоит долгий и тернистый путь к славе. Терпение плюс выдержка.

– Можешь переехать ко мне, – кивнул Лев Антонович. – В одну из комнат.

Николай Краснов замер. Даже сквозь темные стекла очков Шантель почувствовал на себе его настороженный взгляд. Понял, рассмеялся:

– Подумал, что я гей, да? Не бойся, ты не в моем вкусе. Шучу. У меня традиционная сексуальная ориентация. Имею любовницу, – неожиданно добавил Лев Антонович. – А ты?

– Нет.

– Что так?

– Я их боюсь.

– Кого?

– Женщин.

– Женщин? Ты боишься женщин?! – Лев Антонович чуть не рассмеялся. – Да ты посмотри, сколько их визжало от восторга, когда ты пел! Они же от тебя без ума!

– Мне все равно.

– А ты парень со странностями. Знаешь об этом?

– Я обычный.

– Чем увлекаешься? – продолжал допытываться Шантель. Ему необходимо было составить полный психологический портрет Николая Краснова.

– Астрономией.

– Чем-чем?

– На звезды очень люблю смотреть. Знаете, есть такое редкое природное явление – парад планет. Это когда они выстраиваются в одну линию. Всегда мечтал посмотреть или хотя бы знать, что жил в этот день. Когда парад планет.

– Считай, что жил. Или обязательно его проживешь. Я тебе такой парад планет устрою! Если, конечно, будешь меня слушаться. Ты как вообще настроен? Петь хочешь?

– Хочу. А меня будут слушать?

– Куда денутся? – Шантель пожал плечами. – У тебя талант. Ты в курсе?

– Никогда об этом не думал.

– Подумай на досуге. К таким вещам надо относиться серьезно, Коля. Не помнишь, тебя в колыбели боженька в лобик не целовал, нет?

– Снова шутите?

Настроение у Льва Антоновича резко поднялось. Парень ему нравился.

– Ты хотя бы представляешь, Николай, как тяжело пробиться молодым исполнителям и сколько вас таких?

– Приблизительно.

– Приблизительно! – хмыкнул Шантель и повторил: – Приблизительно! Некоторые прямо под моим окном концерты устраивали, но я этого не люблю. Диски со своими записями забрасывали в окно моей машины, стоило только стекло чуть опустить. Вообще, для того чтобы привлечь к себе внимание, существует много способов. Большинство из них – пустой номер, слишком уж большой наплыв желающих пробиться в шоу-бизнес. А тебе повезло. Поэтому цени, очень цени. Я сделаю для тебя все, что смогу, но взамен потребую все, что сможешь ты, и даже больше. Всю душу твою потребую, без остатка. Ну, выпьем, что ли, Коля Краснов? За альянс. Денег пока не обещаю. Прежде чем что-то заработать, надо много вложить. Но кормить-поить буду хорошо, о жилье не думай.

– А как же ребята?

– Они что, тоже не москвичи? – поморщился Шантель.

– Москвичи. Мы вместе месяца три, не больше. В клубе познакомились.

– Ну, значит, у них все в порядке?

– Эдик работает, а Ленька с Олегом нет. Только здесь, в

ресторане.

– Ничего, образуется, – уклончиво сказал Шантель.

Ему нужен был только Коля Краснов, остальные казались вполне заменяемыми. К тому же москвичи. Шантель предпочитал работать с провинциалами, мотивация больше. В солисте же Лев Антонович почувствовал натуру скорее пассивную, созерцательную, нежели волевою, способную к решительным действиям и формированию собственного мнения о чем-либо или о ком-либо. Краснов был благодатным материалом для лепки,ковки, переплавки и тому подобных действий. Настроение у Льва Антоновича поднималось с каждой минутой. Поистине март – удачный месяц!

– Так когда ты ко мне переедешь? – спросил он у Коли.

– А когда надо?

– Давай прямо завтра. Чего тянуть? И сразу же работать. Альбом надо писать. Лето переживем, а к осени будем раскручиваться. Запись альбома, презентация, выступления в московских клубах, а там, ближе к зиме, и гастрольная поездка по всей России.

Лев Антонович Шантель посмотрел на Колю Краснова уже как на свою собственность. Инспектор пожарной охраны становится солистом рок-группы – такого еще не бывало. Остроумно. С такими данными – и собирался тушить пожары, когда ему вполне под силу их разжигать!

Юпитер³

С женой, в недалеком прошлом популярной эстрадной певицей, Лева Шантель развелся так: оставил ей хорошую трехкомнатную квартиру, дорогую машину, дачу, деньги, но отобрал псевдоним, под которым ее раскручивал. Когда все начиналось и женаты они еще не были, этот псевдоним Шантель у девушки просто-напросто купил и в суде, на бракоразводном процессе, рьяно отстаивал именно это свое имущество. Отстоял и, хотя мстительным и жестоким человеком никогда себя не считал, закатом карьеры бывшей жены, случившимся вскоре после развода, был чрезвычайно доволен. А квартиру, машину и дачу купил себе новые. А пусть знают, как кидать Леву Шантеля. Другим наука, если подобное вдруг повторится. Если он кого-то раскрутит, а потом этот кто-то захочет уйти на вольные хлеба.

У Льва Антоновича была от брака с бывшей звездочкой дочь, очень хорошенькая восьмилетняя девочка. И Шантель любил бы ее, искренне любил, если бы иногда с ужасом не представлял себе, как это маленькое чудо вырастет, нацепит короткую маечку и брючки в обтяжку и придет к папе с требованием сделать из нее звезду. Девочка была чрезвычайно избалованна и ленива, а Лев Антонович требовал от тех лю-

³ Юпитер – верховный бог (в древнегреческой мифологии ему соответствует Зевс). Самая большая планета Солнечной системы.

дей, с кем работал, полного подчинения и каторжного труда, поэтому с постулатом «папа плохой», внушаемым дочери бывшей супругой, Шантель никогда не спорил.

Его новая квартира также была трехкомнатная, заново отремонтированная, но гораздо лучшей планировки, чем прежняя, да и район, где она находилась, престижнее. Все правильно: каждая новая ступенька лестницы должна вести никак не вниз, а только вверх. Льву Антоновичу одному в квартире было слишком просторно, но приводить сюда на постоянное место жительства женщину он не спешил. Предпочитал снимать своим любовницам однокомнатные уютные квартирки, где, испытав пресыщение, оставлял их, уплатив за полгода вперед в качестве компенсации.

Так он поступил и с Аленой, на следующий день после их ссоры послав одного из помощников за своими вещами. И одновременно с ними привез в квартиру Шантеля свои вещи и Коля Краснов.

– Что, заселяемся? – подмигнул ему Лев Антонович. – Ты не переживай. После двух-трехгодичного чеса по матушке-России купишь себе квартиру, машину хорошую, еще через пару годков отстроишь шикарный загородный дом. А то – пятилетку за три года! Если, конечно, будешь пахать, как вол, и слушаться меня.

– А дальше?

– Не понял?

– Ну, куплю я себе все это. А что дальше?

– Дальше жить.

– А надо?

Шантель слегка напрягся. В Коле явно чувствовался какой-то внутренний надлом, спрашивается, откуда? Не в себе парень. А с другой стороны: кто из гениев в себе? Им за это и платят большие деньги: за сумасшедшинку. К тому же со временем это проходит. Особенно классно такое безумие лечат деньги. А большие деньги и вовсе превращают любого хиппи в абсолютно нормального человека.

Пока же Лев Антонович, считающий себя неплохим психологом и душеведом, решил закрыть на Колины странности глаза. А проще сказать, не хотел признаться себе в том, что не понимает, в чем их причина. Станный характер: великая сила при великой слабости. И чем все это закончится – неизвестно. Но серьезных причин отказаться от Краснова у Льва Антоновича не было, тот на все говорил только «да», и Шантель приступил к решительным действиям.

Подписав с Колей рабский контракт на три года, Лев Антонович пустил в бой тяжелую артиллерию. Надо было устроить раскручиваемой группе ряд выступлений в столичных клубах. Сделать это можно было только по договоренности с хозяином, владельцем подпольного казино и совладельцем нескольких самых модных в Москве ресторанов. Иными словами, полукриминальным авторитетом.

Это был человек тоже довольно странный. Хотя кто нынче без странностей? Не мы такие – жизнь такая. Не сой-

дешь с ума из-за какой-нибудь ерунды, придется свихнуться по-крупному – от отчаяния. Так что лучше уж коллекционировать бабочек. Виктор Петрович Фонарин бабочек не коллекционировал. У него была другая слабость. Жесткий, волевой, решительный человек, умеющий делать деньги, он вдруг... запел. И хотя Фонарин был умен, как сам дьявол, полное отсутствие у себя вокальных данных замечать отказывался и вот уже два года с маниакальным упорством продолжал снимать видеоклипы с собой, любимым, в главной роли. И запускать их ротацию по ТВ и на радио, благо денег на это хватало. У Фонарина не имелось и литературного таланта. И вообще вкуса. Ему писали такие песни, что слушать их было тошно. Причем песни эти выбирал он сам. Этот ту-пизм доводил порою Шантеля до бешенства, но спорить с Фонариным он не мог. Потому что его карман был для Льва Антоновича широко открыт. Благодаря, черт ее дери, музыке!

Как только речь заходила о музыке, умнейший Фонарин делался вдруг глуп, глух и слеп. Лев Антонович не уставал удивляться этому парадоксу. Неужели не видит себя со стороны? Но приходилось терпеть, именно к нему первому, к господину Фонарину, Шантель привел Колю Краснова.

– Начинай потихоньку, – кивнул он парню, а сам расположился в зрительном зале за столиком. Надо было понаблюдать за реакцией публики. Группа «ЭНЛО» пока еще выступала в полном составе и даже не изменила своего названия.

– Лева, привет, – услышал вдруг Шантель знакомый голос. Безработный аранжировщик говорил вкрадчиво, на мягких лапках. – За тобой должок.

– Какой должок?

– Я же тебе говорил: это золотой мальчик. Оценил?

– Допустим.

– Так как насчет моей работы?

– А по-моему, мы в расчете.

– Не понял?

– Это ведь ты внушил Алене мысль, что она должна стать русской Бритни Спирс?

– Лева, так нечестно. Ты на этом парне кучу денег зарабатываешь, а как же я? В долю хочу. И при чем тут твоя девочка? Ты бы ее рано или поздно все равно раскусил. А я тебе только помог. И где, Левушка, твоя благодарность?

– Хорошо, я тебе позвоню, – легко согласился Шантель.

Настроение у него улучшалось с каждой минутой: публика Колю Краснова принимала прекрасно. Наконец подошел и Фонарин:

– Поздравляю. Стоящий парень. Где ты его нашел?

– В ресторане.

– Молодец, работаешь! А ко мне одни отморозки прибиваются. И ничего с этим не сделаешь. Слушай, твой парень не мог бы написать для меня пару песен?

Лев Антонович оторопел: у Фонарина появился вкус?! И тут же пообещал:

– Запросто.

– Тогда я твой. Ева, тебе понравилось?

Еще одной странностью Фонарина была эта девушка, постоянная его спутница вот уже в течение нескольких лет. Шантель не устал удивляться терпению Виктора Петровича. На его взгляд, Ева ничем не отличалась от всех прочих хорошеньких длинноногих блондинок. Так почему Фонарин не поменяет ее на что-нибудь стоящее? Откуда это удивительное постоянство? При таких-то деньгах! Да гарем можно содержать! Таких, как она, по Москве – легионы! Юных, смазливых, на все готовых. Только свистни! Виктор Петрович называл девушку не Ева, а Эва и при этом очень долго тянул «э». За все время знакомства Шантель услышал от Евы с десяток ничего не значащих слов и одно-единственное законченное предложение: «Я курю только сигареты с ментолом».

– Да, – сказала Ева, и Шантель записал за ней еще одно слово. До сих пор в ее исполнении он этого не слышал.

– Песня понравилась или солист? – попытался уточнить он, но Ева молча показала что-то на пальцах и уставилась на подходившего к ним Колю Краснова.

«Плохо», – кисло отметил Шантель. Получалось, что Коля нравится женщинам. На взгляд Льва Антоновича, это было нелепо, он считал, что они любят силу и деньги, но, поразмыслив, решил, что раз он не женщина, то и пытаться понять их не стоит. Нравится так нравится, а с Евой как-нибудь са-

мо решится. Он знал, чувства Фонарина к «Эве» были весьма странными, но постоянными. Если сказать Коле «табу», он и не дернется. Послушный мальчик.

– Слушай, как это у тебя получается? – подмигнул Фонарин Коле. – Я вот тоже недавно песню написал, клип хочу снять. Послушаешь?

– Я?

– Талантливые люди должны друг другу помогать. Толпа, она как флюгер, главное – ветер создать, который дует в нужном направлении. Кстати, это Эва. – Виктор Петрович слегка подтолкнул девушку вперед.

Коля пожал плечами:

– Привет.

– Я курю только сигареты с ментолом, – тут же откликнулась Ева.

– А я вообще не курю, – заявил Краснов.

– Это правильно, – тут же согласился с ним Фонарин. – Уважаю. Курить вредно. Учти это, Эва.

Шантель отметил, что Виктор Петрович благосклонен к молодому дарованию. По счастью, бизнесмен был не ревнив к чужому успеху, видимо, считал, что сам он вне конкуренции.

– Так мы воспользуемся твоей студией, Виктор Петрович? – спросил Шантель. – На обычных условиях?

– Да ради бога!

Несмотря на слабость к пению, Фонарин прежде всего

оставался бизнесменом и очень хорошо умел считать деньги. Аренда студии звукозаписи была дорогой, аппаратура тоже, а казино и рестораны требовали много времени, поэтому помещение большей частью пустовало, и пустить к себе за определенную мзду страждущих Виктор Петрович никогда не отказывался. Шантель же ценил его студию за хорошее качество записей, которые в ней получались. Первое время не стоило гнать халтуру, лучше уж взять Фонарина в долю, чем прогореть.

– Пользуйтесь, благословляю, – похлопал тот по плечу Колю Краснова, а Ева удовлетворенно вздохнула.

Шантель же понял, что московские клубы завоеваны, а значит, полдела сделано. Виктор Петрович имел в своем кругу значительный вес. Словно планета-гигант, он обладал огромным капиталом и огромной силой притяжения. Мог лишь собственной волей и указанием сверху вызывать приливы и отливы популярности поп– и рок– исполнителей.

С планетой-гигантом надо считаться.

Плутон⁴

Шантель никогда не думал, что большая проблема одновременно может быть такой мелкой. Точнее сказать, столь маленького роста. Да, это был он, крошечный, но удивительно энергичный барабанщик. Именно маленькие люди зачастую обладают замашками диктаторов, стремясь подчинить себе всех и вся.

Оказалось, что Эдик имеет неограниченное влияние на Колю Краснова. Барабанщик он был бездарнейший, но зато обладал потрясающим чувством юмора, бешеной энергией и напором. Эдик напоминал Шантелю резиновый детский мячик. Игрушечный мячик красного цвета, который прыгает и прыгает не переставая. Льву Антоновичу зачастую хотелось поймать его и с силой сжать в руках, чтобы выпустить разом весь воздух.

Эдик по любому поводу имел собственное мнение и противную привычку отстаивать его до хрипоты, даже если мнение это было заведомо ошибочным. Вступать в долгие дискуссии с мальчишкой двадцати трех лет Шантель считал для себя оскорбительным. Хорошо еще, что помимо музицирования у Эдика была куча других занятий. Он учился, работал, крутил бесчисленные романы, его любопытный нос лез

⁴ Плутон – бог подземного царства (в древнегреческой мифологии – Аид). Самая отдаленная и самая маленькая планета Солнечной системы.

в любую маленькую щелочку, какую только находил.

С первой же минуты знакомства с Эдиком Шантель думал только о том, как бы от него поскорее избавиться.

– Он мне лучший друг, – обрезал все попытки Льва Антоновича Коля, впервые проявив твердость.

«Как-нибудь образуется», – поморщился Шантель. Впервые они сцепились с Эдиком всерьез, когда встал вопрос о названии рок-группы. «ЭНЛО» – это, разумеется, была идея Эдика, и тот считал, что идея эта потрясающая.

– А что вы предлагаете? – занял боевую стойку крошечный барабанщик, и Льву Антоновичу ужасно захотелось схватить его, этот детский резиновый мячик, и с размаху швырнуть в стенку. Авань отскочит куда-нибудь подальше.

– Что-нибудь связанное с компьютерами или непонятное, броское слово, чтобы запоминаться.

Эдик хмыкнул:

– «ЭНЛО», по-вашему, понятно и не запоминается? А по-моему, этой первой строчной «э» все должны заинтересоваться.

Коля Краснов согласно кивнул. Но Шантель давно уже решил, что не будет никакого «э», ни заглавного, ни строчного. Сегодня Эдик выбирает группе название, завтра – репертуар, послезавтра – нового продюсера. К черту.

– Я предлагаю, – размеренно сказал он, – название из двух слов. Что-нибудь типа «Игры разума».

– Отстой, – тут же парировал Эдик. – Полный отстой.

– Тогда «Игра воображения», – пожал плечами Коля.

– Хорошо! – энергично кивнул Шантель. – Очень хорошо!

– Чушь! – взвился Эдик. – «ЭНЛО» лучше! К тому же под этим названием нас все уже знают!

«Да кто тебя знает, щенок! Самонадеянный мальчишка!»

– Шантель машинально сжал и разжал правую руку.

– Это не страшно, – сказал он, изо всех сил пытаясь сдержаться.

– Коко, и ты это стерпишь? – накинулся Эдик на Колю.

Вот еще одна глупость – нелепое прозвище. Барабанщик называл друга на французский манер: Коко! По мнению Шантеля, Николай никак не должен был терпеть это до слез обидное прозвище. Коко! Врезать этому Эдику разок – и дело с концом! Лев Антонович с надеждой взглянул на Краснова. Чертов Эдик, чертов коротышка! А ведь и в самом деле в Кольке есть что-то цыплячье!

– Я не знаю, что делать, – пожал плечами Краснов. – Вообще-то Лев Антонович не первый год в шоу-бизнесе, ему видней.

– Да это же потерянное поколение, Коко! Они же старики! Отстой! Все, что они считают потрясным, отстой! А «ЭНЛО» – это супер!

«Я убью его», – вяло подумал представитель потерянного поколения Лев Шантель. Перед бешеной энергией барабанщика он терялся.

– Эдик, ты не прав, – покачал головой Коля. – Разве Лев

Антонович старый?

– Ну, спасибо! – с иронией поднял брови Шантель. Реплика Коли, касающаяся его возраста, значила, что насчет остального он полностью с Эдиком солидарен.

Энергичный малыш мгновенно испарился после того, как закончилась репетиция, и Лев Антонович получил Колю в полное и безоговорочное свое владение. Разговор об Эдике Шантель начал уже в машине:

– Коля, тебе не кажется, что Эдик не сможет поехать с нами в турне?

– Это почему?

– А как же его учеба? Как же работа? А любимая девушка?

– У него каждую неделю новая любимая. – Шантель с удовольствием отметил в голосе Коли зависть.

– Тем не менее. Я не думаю, что ради сомнительной карьеры ударника в начинающей рок-группе Эдик все бросит. Получится или не получится – это еще бабушка надвое сказала.

– Если хотите, я с ним поговорю.

– Я сам с ним поговорю.

– Хорошо, – легко согласился Коля.

В конце концов впереди еще целое лето. Альбом, который они собираются записывать, можно назвать «эНЛО. Игра воображения», а потом, когда Эдик исчезнет с горизонта, первое слово потихоньку убрать.

«Я подожду, – подумал Шантель, – подожду, пока между

вами встанет женщина. Когда-нибудь это все равно должно случиться».

Уран, Нептун⁵

Двое остальных участников рок-группы Льва Антоновича пока полностью устраивали. Леня был очень красивым, а Олег – очень умным, хотя качества эти и у того и у другого не находили никакого практического применения. Леня вот уже несколько лет был верен одной-единственной девушке, своей однокласснице, с которой он еще за одной партой сидел, а Олег в течение тех же нескольких лет пытался устроиться на высокооплачиваемую работу и с треском вылетал отовсюду ровно через месяц еще до окончания испытательного срока. Первый просто не хотел замечать, что на свете живут и другие женщины, второй не понимал, что на работу надо ходить с той регулярностью, с какой этого требует хозяин, а не когда хочется.

Леня повсюду таскал с собой девушку Лелю, а Олег – ноутбук, и Шантель пока терпел и то, и другое. На репетициях эти два предмета занимали пару соседних стульев, Леля бессмысленно улыбалась, ноутбук тихо гудел, зато Леня и Олег были абсолютно спокойны.

«Когда-нибудь...» – мстительно думал Шантель, но пока тоже одобрительно гудел и улыбался. Конечно, у него была мысль, что красавец-басист – это то, что нужно, и внимание

⁵ Уран – древнегреческий бог неба. Нептун в древнегреческой мифологии – покровитель морей.

фанаток надо в первую очередь привлечь к нему, но... При синих глазах и льняных кудрях Леня был такой жуткий зануда, что любить его могла разве только тихая Леля.

Шантель считал, что человек без какого-нибудь явного или тайного порока – все равно что неподошедшее тесто. Но в каждом что-нибудь да бродит, и со временем Леня... Однако было похоже, что в детстве мальчик не нарушил ни единого запрета, от него не приходилось прятать спички, напоминать, что домой надо возвращаться с наступлением темноты, что курить вредно, а от поцелуев может быть СПИД.

Олег же, напротив, целиком состоял из пороков, причем явных. Он везде опаздывал, забывал на плите включенный чайник, а в квартире, дверь которой намертво захлопнулась, – ключи. Он словно не знал, что поздно ночью нельзя сажать в машину одиноких пассажиров мужского пола, что женщины легкого поведения болеют дурными болезнями, если тебе вдруг не дали на рынке сдачу, то обязательно надо ее спросить, ну и тому подобное. Зато он столько знал о компьютерах, что Лев Антонович не решался говорить с парнем на эту тему, чтобы не выработать у себя комплекс неполноценности.

Тем не менее эти двое столь разных парней были лучшими друзьями. Коля дружил с Эдиком, а Леня был неразлейвода не только с Лелей, но и с Олегом. Казалось странным, что они не спят втроем. Видимо, мешала Ленина кристальная чистота, Олег уже в утробе матери был порочен. Шан-

тель еще не решил, сделать из них крепких профессионалов или выгнать вон. Одного к Леле, другого к ноутбуку. Пока парни были ему нужны. В начале сентября группа должна отправиться в турне: покорять огромную страну. Только так можно добыть себе славу.

А пока все они дружно и упорно работали.

Венера⁶

Первый альбом под названием «ЭНЛО. Игра воображения» был записан летом. Благодаря Фонарину группу в Москве уже неплохо знали, у нее появились поклонники, а в сентябре ее участники дали первое громкое интервью на телевидении, залпом пошли статьи в газетах, в глянце. Осень прошла в трудах праведных, поэтому наступления самой настоящей зимы никто и не заметил. Зависнув на несколько дней на телефоне и тряхнув старыми связями, Лев Антонович выбил группе роскошный тур по всей стране.

Но главной его победой было то, что Эдик ехать отказался. Он согласился бросить работу и повременить с учебой только при условии солидной материальной компенсации. Шантель, разумеется, отказал. Пока. Но этого хватило. Разговор закончился стандартной фразой: «А пошли бы вы все...» Лев Антонович спокойно дал Эдику хлопнуть дверью и удовлетворенно вздохнул. Что поделаешь: или – или.

– Почему? – спросил Коля.

– Лучшие друзья для того и существуют, чтобы в самый ответственный момент нас предать, – туманно ответил Шантель и мысленно потер руки: резиновый мячик был отброшен далеко-далеко.

Окончательно он успокоился, когда на вокзале осталась

⁶ Венера – богиня любви.

плачущая Леля, прижимающая к груди ноутбук. Или – или: такова жизнь.

Ехали поездом.

– А самолетом быстрее, – заикнулся было Олег. Расставание с ноутом далось ему тяжело. Шантель предвкушал, что скоро и Олег сделает свой выбор не в пользу музыки.

– И дороже. Вы еще ничего не заработали, – отрезал он. – Поэтому решать буду я.

– Это диктатура, – заметил клавишник и вопросительно посмотрел на остальных. Коля Краснов задумчиво разглядывал пейзаж за окном, поскольку в дороге его обычно посещало вдохновение, а Леня еще бурно переживал расставание с Лелей. Посему оба промолчали, и Олег пожал плечами: ну, как хотите.

Пока они ехали, Лев Антонович старался стать своим в доску для этих ребят. Чтобы это произошло, надо было первым делом попытаться их понять, но вскоре многоопытный продюсер с удивлением развел руками.

Это поколение двадцатилетних, на взгляд Льва Антоновича Шантеля, было слишком уж резвое. Им еще не клали мобильные телефоны прямо в колыбель, но они уже не считали эти гаджеты игрушками, а воспринимали их как предметы повседневной необходимости, вроде зубной пасты или шампуня. Они еще не начинали учить английский язык раньше русского, но зато второй оставляли уже в школе, а первым занимались долго и всерьез на различного рода платных кур-

сах. Они раз и навсегда выбрали для себя пепси и не помнили телевидения без рекламы. Если бы та вдруг внезапно исчезла с экрана, они решили бы, что наступил конец света.

Вместо имен эти двадцатилетние пользовались прозвищами, а лучше сказать, кличками. Лев Антонович понял только, что Эскейп, крайняя кнопка на клавиатуре компьютера, обозначающая отмену какого-либо действия, стала прозвищем Олега потому, что он регулярно опаздывал на репетиции и выступления. Но почему Леню прозвали Вектором, Шантель понять оказался не в состоянии.

Лев Антонович чувствовал себя старым и ленивым по сравнению с этими ребятами и с ужасом ловил себя на мысли, что хочет растянуться на диване с бутылкой «Жигулевского» и послушать группу «АББА». Парни вряд ли его бы одобрили. Представители этого поколения считают себя самыми крутыми, не ощущая, как им на пятки наступают поколение тинейджеров, которое считает себя еще круче.

Но работа есть работа. Шантелю было ясно, что на группе можно заработать неплохие деньги, и он решил держать себя в руках, колесить по стране и раскручивать «Игру воображения» дальше. Мысленно он уже называл группу только так.

Если бы Лев Антонович знал заранее о последствиях, он бы объехал стороной не то что этот город, но даже область, где тот находился. Но, как говорится, знать бы, где упасть... Соломки Шантель не подстелил, поэтому плюхнулся в грязную жижу со всего маху и, как говорится, обо...ся.

А начиналось все прекрасно – красочные афиши, полностью распроданные билеты на оба концерта, которые предполагалось дать в районном центре, красивом городе со столысячным населением. И гостиница оказалась вполне приличная, и публика понимающая, и деньги, обещанные за выступление, очень даже немалые. Была середина января, народ уже устал пить и праздновать, но к зрелищам еще не остыл. Лев Антонович удовлетворенно потирал руки. Даже то, что новый барабанщик никак не мог вписаться в коллектив, продюсера мало беспокоило. Ничего, стерпится – слюбится. Пока же «старички» обращались к новенькому уклончиво: «ты», без имени и без прозвища. Продюсера же, как случайно подслушал Шантель, меж собой называли Французом. Хоть так. Не Старпером и не Дедом.

– Петь будем под фонограмму, – предупредил Лев Антонович.

– Никогда, – отрезал Олег.

– Запросто, – пожал плечами Леня.

Эти двое никогда и ни в чем друг с другом не соглашались, поэтому оба посмотрели на Колю. Тот замялся:

– Мы могли бы и вживую...

– Город небольшой, публика непривередливая. Зачем глотку рвать, когда можно обойтись малой кровью? – похлопал его по плечу Лев Антонович. – Я тебя берегу, Коля. Цени.

Первый концерт прошел неплохо. Правда, под конец как

следует разогревшиеся фанаты пытались прорваться на сцену, но полиция их удержала. Только одной девчонке удалось вскарабкаться на возвышение и броситься Коле на грудь. Она рыдала взахлеб, совала ему растрепанный букет и кричала громко:

– Я люблю тебя! Люблю! Ты слышишь?! Люблю!

Девчонку удалось унять, увести со сцены. Эпизоду Лев Антонович не придал значения и поздно вечером, когда ангелоподобное создание робко постучалось в дверь его люкса, даже не узнал ретивую фанатку.

– Ты кто? – удивленно спросил Шантель. – Кто тебя пустил?

– Тетя, – скромно потупило создание огромные голубые глаза.

– Какая еще тетя?

– Дежурная по этажу. Я ей помогаю прибираться, я знаю, где люкс.

– Ты так уверена, что я поселился в люксе? – усмехнулся Шантель.

– Не-а. Я думала, он.

– Послушай, детка, это несерьезно, – принялся отечески увещевать ее Лев Антонович. – Мы завтра уезжаем.

– А сегодня?

– Ну зачем он тебе? На один день? Он уедет, а ты останешься. И поверь, он сюда вряд ли вернется.

– Можно я войду?

«Зачем я это делаю?» – устало подумал Лев Антонович, посторонившись. Но в ней что-то было. Прежде всего удивительная способность добиваться своего. Шантель почувствовал это сразу. Девчонка принадлежала к породе людей, которые всегда получают то, что хотят. Конечно, она была очень хорошенькой, но хороших девушек много, тем более в столь юном возрасте. А этой, на взгляд Льва Антоновича, и восемнадцати еще не стукнуло. Цветочек, подснежник. Но в этом ангелоподобном создании отчетливо прощупывался стальной стержень.

– Я только скажу ему, что я с него умираю.

– Как тебя зовут? – едва не рассмеялся Шантель.

– Фиса.

– Как-как?

– Анфиса. Фиса я.

– Фиса, я сейчас позову твою тетю и сдам ей тебя с рук на руки.

– Не сдадите. – Девушка распахнула голубые глазищи, и Лев Антонович почувствовал себя пожирателем детей.

– Это еще почему? Сдам. Пусть тебя мамка как следует отлупит.

– Она далеко, – фыркнула Фиса. – И у нее нас семеро.

– Как-как?

– Семеро детей. Я на концерт приехала. С деревни. Я его в телевизоре видела. Он мне сразу понравился. Умираю с него.

– Он очень устал, Фиса.

– А с вами можно посидеть?

– Со мной? Послушай, девочка, ты хотя бы представляешь, сколько мне лет?

– Лет пятьдесят, должно быть. Ну и что? Вы на папку моего похожи, – пожала плечами Фиса. – Чаю нальете?

Лев Антонович подумал было, что начать свою деятельность коварной соблазнительницы Фиса решила с него, но девчонка сидела тихо, голые коленки не показывала, глазками не стреляла. Она терпеливо ждала, прихлебывая чай маленькими глотками, слушала продюсера, которому, как выяснилось, именно такого молчаливого собеседника и не хватало. И дождалась. В дверь постучали:

– Лев Антонович, можно? – В люкс вошел Коля и замер на пороге, уставившись на Фису.

Искра проскочила между ними мгновенно, не почувствовать этого было невозможно.

– Ой! Здравствуйте! – тут же кошкой вспрыгнула с дивана Фиса. – А я тут с Лев Антонычем чай пью! У меня тут тетя.

Коля поискал глазами тетю.

– То есть не здесь, а там, в коридоре. Я за полотенцами пришла. А к вам можно зайти?

– За полотенцами? – глупо спросил Коля.

– А вы меня разве не узнали?

– ...?

– Это я сегодня на сцену прорвалась! Вот. Я за вас чего хочешь сделаю!

– Я хотел насчет завтра, Лев Антонович. Насчет фонограммы. Может, стоит вживую?

Фиса приоткрыла рот.

– Так, – сказал Шантель. – Что ж ты стоишь, Коля? Девушка спрашивает, не надо ли поменять в вашем номере полотенца? – подмигнул он.

– Вообще-то...

– Обязательно надо. Чистое полотенце для артиста – предмет первой необходимости. Идите, дети, идите.

Вот так он сделал глупость. Примерно через полчаса к нему в номер постучался новый барабанщик:

– Лев Антонович, где бы мне переночевать?

– Переночевать?

– Там эта психическая. Все время делает мне намеки, что надо поискать койку на ночь в другом номере. И, насколько я успел понять, она так просто не уйдет. Ей явно лечиться надо.

– А что Коля?

– Да кто ж от такого розана откажется? К тому же говорю: психическая. Она же буром прет!

«Ничего, как-нибудь образуется», – привычно подумал Лев Антонович. Наутро он Колю не узнал. Тот словно проснулся, утратив разом свойственную ему меланхоличность и зарядив подсевшие батарейки.

– Представляете, я у нее первый мужчина! – взволнованно сказал он, оставшись с продюсером наедине.

– А так сразу и не скажешь, – Шантель пожевал губами.
– Да что вы! Она, она, она...
– Необыкновенная, я понял. Ничего, как-нибудь образуется.

Тогда еще Шантель в это верил.

Лев Антонович почувствовал тревогу, лишь когда Коля попросил его задержаться в этом городе еще на пару дней. «Да что ж там такое особенное?» – заволновался он. По его мнению, девчонка того не стоила. Отправив парней на репетицию, он решил проверить ее как следует. Позвал в свой номер, заказал обед на две персоны. Когда официант расставил все на столе, получил на чай и исчез, Лев Антонович наполнил шампанским два бокала.

– Ну, Фиса, давай выпьем за знакомство.
– Ну его. Не люблю я. Меня от спиртного в сон клонит.
– Небось и не куришь? – прищурился Шантель.
– Не-а.
– А как насчет наркотиков?
– Свят-свят-свят! – Фиса торопливо перекрестилась.
– А что ты любишь?
– Когда народу много. Я в Москву хочу.
– В Москву-у? – Лев Антонович понял, что это серьезно. – Так сразу в Москву, в столицу нашей родины? Кстати, сколько тебе лет?
– Шестнадцать. Скоро семнадцать.
– Учишься?

– Да. В одиннадцатом классе.

– Здесь, в этом городе?

– Нет, что вы! Я ж к тетке на каникулы приехала!

– Что ж ты тогда домой не едешь? Каникулы кончились, тебе учиться надо.

– А ну его. Скучно.

– Значит, тебе в этом году исполняется семнадцать. Окончишь школу, приезжай в Москву учиться.

– Я учиться не хочу.

– А что ты хочешь?

– Замуж.

– За-амуж?

– Учиться скучно. Я неспособная. Я хочу как в кино. Там все друг в друга влюбляются, разговаривают целыми днями, ходят по магазинам и никто не работает.

– Значит, мы в школу не ходим, целыми днями смотрим сериалы и мечтаем о неземной любви и о красивой жизни. А потом вешаемся на грудь первому встречному, про которого говорят, что у него большое будущее. Так?

– Вы умный. Хорошо говорите. Красиво. А с Колей у нас серьезно.

– Да у него таких в каждом городе...

– Это неправда. Я буду у него одна.

Она сказала это с такой уверенностью, что Лев Антонович пришел в ужас. Надо поскорее уезжать отсюда. Оторвать золотого мальчика от Фисы, иначе будет плохо. Вечером за

ужинем Коля спросил:

– Мы не могли бы остаться здесь еще на несколько дней?

– Запросто, – легко согласился Леня.

– Что здесь делать? – пожал плечами Олег.

– Коля, ты ставишь нас в неловкое положение, – попенял солисту Лев Антонович. – Нас ждут в других местах.

– А не могла бы она поехать с нами?

– Кто? – вздрогнул Шантель. – Фиса? Ей надо учиться. Она, между прочим, школу прогуливает. Не бери греха на душу, не сбивай ребенка с пути.

– Ну, тогда я никуда отсюда не поеду.

– Правильно, – кивнул Леня.

– С ума сошел! – вскочил Олег.

Новенький молчал, напряженно прислушиваясь к разговору.

– Ложитесь спать, – решительно сказал Лев Антонович. – Завтра что-нибудь решим.

«Надо срочно что-то делать», – подумал он и снова заказал обед с шампанским. Существует же некая несгораемая сумма, перед которой девчонка не в силах будет устоять. Семеро детей в семье, вещи переходят от одного к другому. А ей, должно быть, так хочется прогуляться по местному рынку с карманами, полными денег! В шестнадцать лет хочется хоть малости, прежде недоступной, это потом нужно все и сразу.

На этот раз Фиса шампанского выпила, хоть и чуть-чуть, в

момент захмелела, разомлела, стала податливой, и, целуя ее размякшие сладкие губы, Лев Антонович думал: «Я никогда ее больше не увижу. Никогда... С этим надо кончать немедленно». И он перешел к решительным действиям...

...Когда Коля вернулся после репетиции, Фиса уже исчезла.

– Я вызвал ее тетю и попенял ей: девочке надо учиться. Тетя со мной согласилась. А поскольку Фиса несовершеннолетняя, то выбора у нее не было. Она просила передать тебе прощальный привет, – усмехнулся Лев Антонович. – Цветок и записку я выбросил.

– Вы-ы...

– Всегда можешь на меня рассчитывать. Ну, собираем вещи? Нас ждут.

На вокзале Коля Краснов все время оглядывался, и Леня понимающе трепал его по плечу:

– Понимаю, старик. Очень тебя понимаю. Любовь – это все, – с чувством сказал он.

«Ну и дурак!» – подумал Шантель. – Впрочем, им, дуракам, везет. Авось его Леля полностью оправдает его ожидания».

Когда перрон остался позади, Лев Антонович окончательно уверился, что все закончилось, и вскоре про Фису забыл. Гастроли прошли успешно, денег они заработали много, да и славой обросли, словно скелет упругими крепкими мышцами. Теперь можно эти мышцы как следует напрячь, дать

им соответствующую нагрузку, и – вперед. Путь предстоял долгий.

Звонок в дверь раздался спустя два с лишним месяца, когда дело уже шло к самой настоящей весне. Коля отсыпался после выступления в ночном клубе, и Шантель на звонок трель среагировал первым. Вскочил, сонно протирая глаза, долго возился с дверным замком, а когда наконец справился с ним, не сразу сообразил, что за девица стоит на пороге.

– Я беременна! – завизжала Фиса. А потом на всякий случай добавила: – Ой.

– От кого? – глупо спросил Шантель.

– Где он?

– Он?

– Отец моего ребенка!

– Спит. Не ори ты так, – поморщился Лев Антонович. – Сколько?

– Что – сколько?

– Не считая обратного билета, сколько денег ты хочешь?

– Вы что, не поняли? Я замуж! Замуж хочу!

– Кто там? – зевая, вышел из своей комнаты Коля. Прищурился, поскольку был без темных очков, потом восторженно выдохнул: – Фиса! Как я рад!

И началось! Лев Антонович даже предположить не мог, что Коля оставит ей свой адрес. Точнее его, Шантеля. Какая вселенская глупость! Фиса первым делом прошла с Колей по магазинам и накупила себе кучу вещей. Шантель споты-

кался о бесконечные пакеты и ругался плохими словами. А Фиса не знала ни минуты покоя. Она была из той же породы, что и Эдик, маленький барабанщик, из породы резиновых детских мячиков, которые скачут и скачут, без остановки и, даже не получая никакого дополнительного толчка, все равно продолжают бешено вращаться на одном месте.

Кстати, Эдик тоже объявился, и в это же время, и Фиса тут же нашла с ним общий язык. Еще бы! Шантель почувствовал, что пахнет жареным. Эти двое кого угодно могли свести с ума. Лев Антонович старался теперь как можно реже бывать в собственном доме, потому что Фиса щебетала без умолку, ведя с Колей бесконечные пустые разговоры:

– Ну почему меня так называли? Почему? Анфиса! Ха!

– А как бы ты хотела?

– Красиво хотела. Вот одну девочку в нашем классе зовут Анжеликой. Красиво, да? А я бы хотела, чтобы меня называли Инфантой.

– Фиса, это смешно.

– И вовсе не смешно! Если у нас будет мальчик, я назову его Шарлем. Или Эмилем.

– Фиса! Ты с ума сошла!

– И не спорь. Еще я хочу платье с длинным-предлинным шлейфом, чтоб метра три, нет, лучше четыре, белые перчатки до локтей, и чтобы на нашей свадьбе была куча знаменитостей. Правда, ты их позовешь?

– Фиса!

– Ну, правда, да? Правда? Я просто умираю с них. И все мои приедут! Тетя Паша, дядя Сева, Манька, соседка наша, Вовка из параллельного, я с ним целовалась в двенадцать лет. И пусть все лопнут. От зависти. А что ты мне подаришь?

– А что ты хочешь?

– Машину!

– У тебя же прав нет.

– Ну и пусть! Говорят, что сейчас все можно купить. Ты только скажешь ментам, что ты Коля Краснов, тебе сразу же все дадут.

– Но права нужны тебе.

– Подумаешь! Делов-то! Скажешь, что права нужны твоей жене...

...Когда однажды за полночь Лев Антонович крался в свою комнату, он услышал тихий шепот:

– Француз... Эй...

– Коля?

Золотой мальчик сидел на диване со стаканом в руке. И в нем было не шампанское. Похоже, виски. Шантель взялся за сердце:

– Ты что, пьешь?!

– Представляете, она хочет назвать мальчика Шарлем, – хихикнул Коля. По виду, он здорово набрался.

– А что? – Лев Антонович сел рядом с ним на диван. – Шарль Николаевич Краснов. По-моему, неплохо звучит.

– Смешно! А девочку Инфантой.

– Инфанта Николаевна? Остроумно.

– Что это, Лев Антонович? Что?

– Девочка из деревни. Слаще морковки ничего не видела.

Этакая провинциальная Золушка, которая мечтает попасть в высший свет. Ей кажется, что чем непонятнее, тем красивее. Что красота происходит не от доступной всем простоты, а от недоступных наворотов. Это, Коля, гламур. Тот самый, который ты больше всего ненавидишь. Мало того, в ее случае – провинциальный гламур. Кофты с люрексом, духи с ароматом ванили и туфли на двадцатисантиметровой платформе в любое время суток.

– Это пройдет. Она еще ребенок.

– А вот тут ты ошибаешься. Фиса навсегда останется Фисой, будет ей шестнадцать лет или все сто. Есть такая порода женщин: неизлечимые дуры, – поморщился Шантель. – Потому что умные девочки слушаются старших и учатся на их ошибках, а дурочки не устают повторять собственные. Она, и повзрослев, по-прежнему будет покупать бархатные платья, чтобы ходить в них на рынок за картошкой, и джинсы с блестками для балов.

– Что плохого в джинсах с блестками? – вяло отмахнулся Коля. – Это модно.

– Это в первую очередь непрактично. Ты заметил, что она покупает исключительно дешевку? Все блестки при первой же стирке остаются в машинке и пачкают остальное белье. Скоро на всех твоих трусах будут эти чертовы блестки. И

в супе будут блески. Ты будешь пить виски с блесками, – кивнул Шантель на Колин стакан. – И так будет всегда. Избавься от нее.

– Что вы такое говорите?! Как?!

– Избавься. Пусть едет в свою деревню, к маме, к братьям, к сестрам. Пусть они всей оравой растят твоего ребенка, только подальше отсюда. Мы станем высылать им деньги. Много денег. Только не вздумай ее кому-нибудь показывать.

– Но ей только шестнадцать лет! Она несовершеннолетняя! И теперь беременна.

– Да, это проблема. Представляю, какая буча поднимется в газетах! Некстати все это.

– Она свадебное платье собралась покупать. И кольцо. Я должен купить ей кольцо.

– А жить? Где вы собираетесь жить?

– Лев Антонович...

– Ты представляешь, во что превратил мою жизнь? – тоскливо сказал Шантель. – Мне-то это все за что?

– Я люблю ее. Наверное.

– Ты все равно с ней разведешься. Только прежде кончишься как артист. Знаю, проходили. Я тоже был женат. На известной певице. И чем кончилось? Сначала она смотрит тебе в рот, соглашается с твоим мнением целиком и полностью, потом начинает иметь свое, потом считает его единственно правильным, а с твоим перестает считаться вообще, а каков конец? Под одной крышей живут два совершенно чу-

жих человека, каждый при своем мнении.

– Фиса не певица.

– Она наверняка захочет ею стать. Поверь, я знаю женщин. Эдак через полгодика она начнет канючить. Захочет петь с тобой дуэтом, – усмехнулся Шантель.

– Нет!

– Коля, избавься от нее. Избавься. Подумай, как это сделать. А я спать хочу.

* * *

Но у Фисы оказалась железная хватка. Она предприняла на всех людей, от которых зависело ее будущее, такую энергичную атаку, что Льву Антоновичу пришлось уйти в глухую оборону. К тому же на репетициях вновь появился Эдик.

– Репертуар – дерьмо, – первым делом заявил он. – Фантики от конфет. Шантель хочет свести все к поп-року, а это отстой. Что ты делаешь, Коко!

– Вот и я говорю, – тут же вклинился в разговор Олег. – Надо переходить в виртуальную реальность. Создать себе рисованные псевдонимы, оживить их с помощью мультипликации и спрятаться за ними. Писать музыку и размещать ее в Инете. Но другую музыку. Мы вообще можем не давать живую никаких концертов, только записывать диски. А то пашем, как слоны, пашем, никакой личной жизни. И вообще будущее за Инетом. А это все дерьмо, Эд прав.

– Ничего подобного, – тут же не согласился с ним Лёня. – У человека любовь, как вы не понимаете? Он и поет про любовь.

– И скоро свадьба? – спросил Эдик.

– Дурак будет, если женится, – высказался Олег.

– Правильно сделает, – тряхнул льяными кудрями Лёня.

– Фиса – классная девчонка, – заявил Эдик.

Лев Антонович так и ждал продолжения фразы: «...а от Француза надо избавиться». Но маленький барабанщик пока промолчал. Меж тем слухи поползли. Наконец отреагировал и Фонарин:

– Я слышал, с Колькой какая-то девчонка живет. Жаль.

– Почему? – вздрогнул Шантель.

– Жениться ему пора. Девушку хорошую хочу сосватать.

– Девушку? Коле? Какую девушку?

– Видишь ли, Лева, мы с Эвой решили разбежаться. Я должен как-то устроить ее судьбу. Сляпаю для нее передачку на ТВ, что-нибудь типа «Музыкального обзора». То есть обзора. Будет о музыке базарить. О певцах там всяких, о тусовках.

– Ева научилась говорить? – слегка оторопел Лев Антонович.

– Ну, читать-то она не разучилась! Напишут ей все, что положено, ты, Лева, не переживай, она повторит, девочка умная. Помогут, подскажут. Были бы деньги, а карманы под них отыщутся. Так вот я об Эве: женился бы на ней Колька,

классная была бы парочка! Он при деле, да и она с приданным. А?

– Почему тебя так заботит ее судьба, не понимаю? Ну разбежались, ну денег дал бы. Очень любил – дай много.

– Это ты, Лева, жадный, потому и на баб тебе не везет. Настоящая любовь дорогого стоит, а ты все выгадываешь, все копеечничает. У меня же к девушке, можно сказать, чувство. Не могу же я ее оставить ни с чем?

– Так женись, раз чувство, – Лев Антонович слегка обиделся на данную ему Фонариным характеристику.

– Экий ты. Да не хочу я. Курит она много, а у меня от дыма голова болит. Я другую присмотрел, некурящую. Здоровье-то дороже любого чувства. А что ж Колька свою прячет?

– Есть причина.

– Ты смотри. У нас чужаков не любят.

Шантель прекрасно это понимал. Призрачную славу хорошо бы обменять на твердую валюту, а что может быть перспективнее, чем выгодный брак? Иначе слава угаснет, как спичка, а костра не зажжет. Во имя будущего надо опираться на родственные связи, а потому в брак вступать со своими, как-то завязанными в шоу-бизнесе. Так что выбор у Коли небольшой. Или Ева, или Фиса. Беда будет, если он по глупости уедет в деревню вслед за своей феей. Бросит все и уедет. Есть люди, которые делают такой выбор, хотя их и меньшинство.

Лев Антонович осознавал, почему Коля так прикипел к

этой девчонке. Парень он простой, такой же, как и Фиса, тоже ведь родился в маленьком провинциальном городке, и поэтому чувствует в ней родственную душу. С Фисой Коле будет проще, чем с красивой, светской, но молчаливой Евой. Сам Коля говорил неохотно, взвешивая и обдумывая каждое слово, и с длинноногой блондинкой у них получался весьма странный диалог: мало слов, одни многозначительные паузы. А Фиса трещала без умолку, за двоих. Она гармонично Колю дополняла, и если бы не оказалась такой непроходимо глупой, все было бы неплохо.

Но вывести Фису в свет рядом с Колей? Это немыслимо!

Шантель теперь находился в постоянном напряжении. Излюбленная фраза «как-нибудь образуется» уже не вселяла в него уверенности. Как образуется-то? Как?

Земля

Этот ужасный день начался как обычно: с тяжелой многочасовой работы в студии звукозаписи. Лев Антонович уже не арендовал помещение на паях с Фонариным, оборудовал свое. Поначалу это была мансарда в новостройке, на последнем семнадцатом этаже. Точнее, два мансардных помещения, которые по сходной цене выкупил Шантель. Рабочие сломали стену, объединили их в одно огромное помещение, выделили закуток, символизирующий комнату отдыха, а остальное пространство загрузили студийной аппаратурой.

В целом получилось неплохо, Лев Антонович не предусмотрел только одного: как раз над этим помещением проходила труба, снабжавшая дом горячей водой, поэтому в мансарде было ужасно душно, особенно сейчас, в начале апреля, когда топить еще не бросили, а солнышко местами уже припекало. С духотой боролись всеми средствами, иногда даже распахивали окно, несмотря на еще прохладную сырую погоду. Окно, кстати, было очень интересное. Огромное, подоконник почти вровень с полом. Мансарда же! Оно-то и спасало от духоты – форточкой обойтись было просто невозможно.

В студии собрались все: Коля, Олег, Леня, новый барабанщик, Эдик и даже Фиса с Лелей. Кроме того, присутствовали Шантель и его ассистент, парень лет двадцати пяти. Он

исполнял при Льве Антоновиче обязанности звукоинженера. Прошло уже три часа, все устали. Звукоинженер сидел за пультом, Лев Антонович рассеянно прослушивал фонограмму, Олег с Леной спорили, а Фиса болтала с Эдиком. Шантель косился на них и прикидывал свои шансы. А что, если... Родственные же души, отчего бы им не сойтись? Выдать бы Фису замуж за Эдика вместе с ее ребенком, за большие деньги, разумеется. Эдик ведь завязан в бизнесе, по слухам, у него долги.

– Эдик, ты будешь свидетелем на нашей свадьбе? – просятельно потрогала малыша за руку Фиса.

– Ну, если Коко позовет.

– Коко! Какая прелесть! Эдик – ты прелесть. Я буду звать его Кокошей. Ты слышишь, Кокоша?

– Замолчи, – поморщился Коля. Последнее время творческий процесс у него застопорился. Не шло дело, и все тут.

– Почему? – Фиса вытаращила голубые глазищи. – Что хочу, то и говорю, имею право. С беременными девушками не спорят.

– Тебе не кажется, что слова «беременная» и «девушка» не очень-то сочетаются?

– Почему?

– Потому что раз ты беременная, то уже явно не девушка, – хмыкнул Олег.

– Ах, так! – фыркнула Фиса. – Ну и подумаешь! А я все равно девушка!

– Какая же ты дура! – не удержался Коля.

– Брат, ты не прав, – вступился за Фису Эдик. – Со своей невестой можно и понежнее обходиться. За свои поступки надо отвечать. Ведь это же твой ребенок.

– Умные девушки принимают меры предосторожности, – Коля скрипнул зубами. – А дуры...

– Что-то ты сегодня нервный, старик, – похлопал его по плечу Леня.

Фиса явно собиралась с силами, чтобы достойно ответить своему жениху. Слова она подбирала долго от скудости ума, но Лев Антонович был уверен, что продолжение непременно последует. Фиса никогда не отступала. Шантель увидел, что Коля идет к нему, и снял наушники. Лицо у солиста было несчастное.

– Все, не могу больше!

– Ну-ну. Терпи. Ты же ее любишь.

– Но она все время одни только глупости говорит!

– Фиса еще ребенок, – усмехнулся Лев Антонович.

– Как же я появлюсь с ней на презентации нового альбома? Что, она при всех будет звать меня Кокошей?!

– Скажи, чтобы не звала.

– Как будто она послушает!

– Ну не бери ее с собой.

– Вы что, Фису не знаете? Скандал устроит. Бредит звездной жизнью, спит и видит себя среди знаменитостей. Если я не женюсь, грозитя пойти к репортерам и рассказать им,

как я соблазнил несовершеннолетнюю девушку.

– Ну, так женись. За чем дело стало?

– Лев Антонович!

– Что – Лев Антонович? Ведь я тебе говорил!

– Я не знаю, что делать! Мне уже не до музыки! Я сочинять не могу! Я петь не могу!

Шантель встал, хлопнул в ладоши:

– Все, работать! Ребята, по местам! Время теряем! А время – деньги.

Но дело сегодня не шло. Эдик сидел на стуле рядом с Фи-сой, все время с ней перешептывался, и она глупо подхихкивала. Леля косилась на них и бессмысленно улыбалась. «Зоопарк какой-то, – подумал Шантель. – Две овцы и стадо баранов».

– Можно меня не отвлекать? – сорвался Коля.

– А вы лажу гоните! – вскочил Эдик. – И вообще, со мной было гораздо лучше!

– Ну, иди сюда. Иди! – прокричал Коля. – На свое место. Давай!

Лев Антонович молчал. Чем-то нехорошим все это должно было закончиться. Когда Эдик занял свое место, а новый барабанщик, обиженно засопев, устроился поодаль на стульчике, Шантель командовал:

– Поехали! Запись.

Через минуту пришлось все выключить: Коля вдруг замолчал.

– В чем дело? – спросил Шантель.

– Эдик фальшивит. Он с Леной не попадает в одну долю.

– Я? – аж затрясся маленький барабанщик. – Это Вектор со мной в долю не попадает! Он виноват!

– И вообще, я не могу так работать! – закричал Коля.

– Это я не могу! – взвился малыш. – Он смотрит, и я не могу! Пусть уйдет!

Палец Эдика уперся в сидящего на стуле барабанщика. Новенький вскочил. Посмотрел на Шантеля. Тот молча кивнул. Барабанщик вышел через черный ход, громко хлопнув дверью. «Как-нибудь образуется, – подумал Шантель. – Извинюсь перед ним – и образуется. А парень, оказывается, с характером».

– Начали! – снова скомандовал он. И звукоинженеру: – Попробуй подними десять килогерц на тарелке ride.

Через минуту Коля снова бросил микрофон:

– Ну что, лучше? Лучше? Эдик, лучше?

– Все. Хватит, – прервал запись Шантель. – Убили столько времени, а ничего не сделали. Так не пойдет. Коля, давай займемся с тобой. К песне «Не мой день» музыка уже записана, осталось наложить вокал. Иди в «аквариум», надевай наушники.

– А мы? – спросил Олег.

– Можете быть свободны. Не видите, что ли, – не идет дело.

Леня отбросил гитару и к Леле:

– Ну вот, малыш, я свободен!

«Баран, – скривился Шантель. – Гитара твой хлеб, а ты ей девушку предпочел!»

– А я, между прочим, завтра занят! – взорвался вдруг Олег. – Я сегодня хотел все сделать!

– Сегодня не получилось, – стараясь держать себя в руках, сказал Лев Антонович. – Встречаемся завтра в десять утра.

– А если я не могу?!

– Сможешь.

– Мне до зарезу нужен завтрашний день! До зарезу!

– Я сказал: в десять.

– Ага! Шас! Да надоело все! Надоело! С Колькой носитеесь, а мы словно рабы! Надоело!

– Француз развалил группу, – тут же встрял Эдик. – Вы что, не видите?

– А тебя вообще сюда не звали, – занервничал Лев Антонович.

– Это вас не звали! Вас! Мы уже были звездами, когда вы вдруг объявились, Лев Антонович Шантель! Вектор, Эскейп, пошли! – скомандовал Эдик. Потом посмотрел на Колю: – Коко?

– Мне еще работать, – отвел глаза Краснов.

– Ты с ним работать собираешься?! С ним?! – Эдик ткнул пальцем в Шантеля. – Да тебе конец без нас!

– Когда же это кончится! – Коля забегал по студии взад-вперед. – Когда? Я так работать не могу!

– Кокоша, успокойся, – встряла Фиса. – Послушай Эдика.

– Да ты-то здесь откуда? И вообще ты-то здесь при чем? Ты кто? Еще и советы даешь! Не могу работать!

– Коля, иди в «аквариум», – посоветовал Шантель. – Ребята уже уходят.

– Мы-то уйдем! – Парни и молчаливая Леля дружно направились к выходу.

Когда хлопнула дверь, в воздухе повисла напряженная пауза.

– Давай за пульт, – скомандовал Шантель звукоинженеру.

Минут пять Коля пел. Шантель уже подумал, что все благополучно закончилось, теперь дело пойдет. Коля посмотрел вопрошающе: «Ну как?» Лев Антонович кивнул: отлично, давай дальше. Но тут очнулась Фиса:

– А мне не нравится!

– Да кто ты такая?

– Не нравится, и все тут!

И девчонка принялась делать Коле какие-то знаки. Тот, все еще не снимая наушников, посмотрел на Шантеля. Лев Антонович кивнул: продолжай, мол. Фиса громко крикнула:

– Коля! Мне плохо! Иди сюда! Здесь так душно! Я ж беременна! Я сейчас в обморок упаду! Ой!

– Он не слышит, – сказал Шантель. И пошире открыл окно.

Оттуда потянуло холодом. Солист снял наушники, вышел из стеклянной кабинки:

– В чем дело?

Инженер замер за пультом в ожидании, переключив пока запись на другой цифровой магнитофон. В студии их было несколько. Шантель хотел сказать ему, чтобы выключил совсем, но тут Фиса неожиданно заявила:

– Мне кажется, что эту песню надо петь вдвоем. Про любовь же.

– Так, – сказал Шантель. – Началось.

– Фиса, может быть, ты поедешь домой? – спросил Коля.

– Еще чего! Сказать ничего нельзя, да?

Звукоинженер посмотрел на Шантеля:

– Я пока выйду, Лев Антонович? Покурить?

– Иди, – кивнул тот.

Когда они остались втроем, продюсер попытался образумить девицу:

– Давай покончим с этим раз и навсегда. О карьере певицы и не мечтай. И не трогай парня, ты его угробишь. Хочешь хорошо жить и шмотки дорогие покупать – лучше не трогай Кольку.

– Лев Антонович, это уже мое дело, – нервно сказал Краснов.

– Я пойду в комнату отдыха, послушаю запись, – усмехнулся Шантель.

Дверь он за собой прикрыл, но наушники надевать не стал. Пока не услышал первую фразу:

– Я не могу на тебе жениться, Фиса. Не могу.

Последовавшую за этим бурную сцену выяснения отношений Лев Антонович слушать не желал. И вернулся к магнитофону. Щелкнул тумблером и принялся прослушивать запись. Наушники он снял через пять минут. Ему показалось, что хлопнула входная дверь. Шантель подождал немного, потом заглянул в комнату, поежился. Сквозняк. Да, именно сегодня все должно закончиться...

И закончилось. Теперь Фисы в комнате нет...

На улице раздался оглушительный визг. Кричала на смерть перепуганная женщина:

– Ой, мамочки! Мамочки, мама!

Двор был глубокий и холодный, словно колодец с ключевой водой. Многоэтажные дома почти смыкались, поэтому любой звук, отраженный и усиленный их стенами, разносился далеко-далеко.

– Ой, мамочки, мама!

Шантель осторожно выглянул в окно. Внизу лежала кучка какого-то тряпья, из нее торчали четыре сломанные спички. Лев Антонович попятился.

– Ну что, разобрались? – негромко спросил вернувшийся звукоинженер. – Лев Антонович? Что случилось?

– Там, – хрипло, пытаясь справиться с собственным голосом, сказал Шантель. И повторил, кивнув в сторону окна: – Там...

Парень подошел, глянул вниз:

– Да это же... Неужели Фиса? Лев Антонович?

– Звони...

– Что?

– В полицию звони. Она сама упала, понял? Сама.

И тут в комнате появился Олег:

– Лев Антонович, я... Что-то случилось? Мне показалось, на улице кричали.

– Ты разве не ушел? – тупо спросил Шантель.

– Я спустился на этаж ниже, стоял, курил.

– Ты же не куришь.

– Ну, думал. Насчет того, что с нами будет дальше. Эдик с Вектором и Леля вниз спустились, а я... Надо бы поговорить.

– Потом. Фиса выпала в окно.

– Как это выпала?!

– Ты Колю не видел?

– Слышал, как лифт на верхнем этаже остановился. Минут пять назад.

– Где же он? Где?! А? Что теперь будет?!

– Я звоню, – достал мобильник звукоинженер. – Или вы сами?

– погоди. Дай сообразить. – Шантель нервно вытирал взмокший лоб, хотя комната уже проветрилась основательно, и теперь здесь стало прохладно. – Да, я сам.

Появился новенький барабанщик:

– Вернулся. Подумал, что без меня все равно не обойдется. А что это с вами?

Не ответив, Шантель набрал 02.

– Полиция? Даже не знаю, как сказать... Здесь девушка из окна выпала. С семнадцатого этажа. Адрес? – И тут он накинудся на парней: – Какой у нас адрес?! Быстро! Какой адрес?!!

Барабанщик и Олег оторопели, отошедший в сторонку, словно отстранившийся от всего этого безобразия звукоинженер нервно щелкал тумблерами на пульте.

Адрес Шантель вспомнил сам, продиктовал дежурному, потом вытер лоб и обессиленно опустилсч на стул. Олег выглянул в окно, негромко позвал:

– Лев Антонович?

– Да? Что?

– Там, кажется, Коля.

– Где? – тут же вскочил Шантель.

– Внизу.

Шантель кинулся к окну, высунулсч из него по пояс. Олег проворно схватил его сзади:

– Осторожно! Не упадите! Какой идиот придумал эти нелепые огромные окна!

– Коля! – отчаянно закричал Шантель. – Коля!

Люди, собравшиеся внизу, подняли головы, а Краснов словно и не слышал. Он стоял возле тела Фисы и бессмысленно раскачивалсч из стороны в сторону. Новенький вдруг бодро сказал:

– Вот она, сила земного притяжения. Все просто: семнадцатый этаж, подошел к окну, голова закружилась и...

– Замолчи! – резко обернулся Шантель. – И запомните: она сама выпрыгнула из окна! Сама! Мы все в этом уверены. И попробуй кто-нибудь из вас хотя бы подумать по-другому...

Сатурн⁷

Вскоре приехала полиция, и началась такая канитель, что все невольно затосковали. Тело Фисы находилось внизу, окно, из которого она выпала, – на семнадцатом этаже, приходилось бесконечно сновать туда-сюда, чтобы рассказать и показать, как все было, и выяснить все детали происшествия. Двери лифта скрежетали почти непрерывно. У Шантеля этот скрежет вызывал глухое раздражение, потому что дверь в студию была постоянно распахнута, и спрятаться от звуков на лестничной клетке оказалось невозможно.

Коля явно был не в себе, на вопросы оперов отвечал односторонне и без конца обращался к Шантелю с одними и теми же словами:

- Ты не бросай меня теперь. Не бросай.
- Хорошо, хорошо, как-нибудь образуется, – каждый раз одинаково отвечал тот. Наконец Лев Антонович не выдержал и подошел к одному из оперативников:
- Вы здесь старший?
- Ну, допустим. Пока я.
- Что значит «пока»?
- Может, и начальник подъедет, майор Садовников Иван Иванович. Его в главное управление вызвали, на какое-то

⁷ Сатурн – древнеримский бог посевов и плодородия (в древнегреческой мифологии – Кронос).

там совещание.

– А вы тогда кто?

– Я представился!

– Извините, я не расслышал. Вы извините... э-э-э... уважаемый. Мы все здесь на нервах.

– А вот нервничать не надо, – усмехнулся опер. – Надо честно отвечать на заданные вопросы. Что ж, исключительно для вас, так и быть, представлюсь еще раз. Старший лейтенант Колыванов, оперуполномоченный из местного РУВД.

– Послушайте, господин Колыванов, можно все это как-нибудь побыстрее закончить? Мы замерзли уже. Не лето, знаете ли. Окно настежь, дверь тоже не закрывается. По студии гуляют сквозняки. Вы мне солиста простудите, а ему еще работать и работать.

– Хорошо, можете закрыть дверь.

– Только вы скажите, чтобы ваши люди не шатались туда-сюда.

– А тут я распоряжаюсь! И ходить мы будем, сколько нам надо. Вот вы говорите, что девушка сама из окна выпала, а как это сама? Что, стояла, стояла и выпала? Кто последний видел потерпевшую живой?

– Я, – упавшим голосом сказал Коля.

– Ага. Ну и что было? Рассказывайте.

– У Николая нервный стресс, – поспешно сказал Шантель, сам трясаясь от волнения. – Он себя сейчас не контролирует.

– Ага, – тупо повторил Колыванов. Вообще, симпатии у

Льва Антоновича он не вызывал. Сразу видно: человек недалекий, а мнит о себе – мама дорогая!

«Будут проблемы», – подумал Шантель и, попытавшись улыбнуться, сказал:

– Будьте, пожалуйста, снисходительны. Вы должны понимать, что это артист, натура тонкая. Переживает очень.

– Разберемся, почему это он переживает, – буркнул Колыванов. – Кто еще был в помещении, когда девушка выпала из окна?

– Да, собственно... – замялся Шантель. – Никого. Вообще никого не было.

– Да? Странно? А до того? Можете назвать всех, кто здесь был? Ситуация двусмысленная, человек просто так из окна не прыгает. Нужны свидетели. Которые подтвердили бы ее... состояние.

– Так все здесь. Барабанщик, звукоинженер. Только Ленья с Лелей ушли.

– Ага. Ленья с Лелей. Адреса, номера телефонов?

– Я им сейчас позвоню, – торопливо сказал Лев Антонович. – Ах да. Еще был Эдик! Его тоже вызвать?

– Всех давайте. А ты, артист, не нервничай так, – с усмешкой посмотрел на Колю Колыванов. – Давай, бери себя в руки. И поговорим.

Но разговор Краснова с операми не клеился. Коля отвечал неохотно и односложно:

– Мы поссорились.

– А дальше? – нажал Колыванов.

– Дальше...

– Он ушел, – встрял в разговор Лев Антонович, который находился при Коле, словно нянька при грудном ребенке. Не отходил ни на шаг. – Девушка была беременна, вы должны понимать, гормоны, то да се, она сильно нервничала, переживала. Поругались, вот и... Шагнула к окну подышать свежим воздухом, и свалилась вниз. Может, голова закружилась. А может, ее тошнило. Она поняла, что не успеет добежать до туалета, перевесилась вниз и не смогла удержать равновесия, – подсказал Шантель.

– Беременна? – тупо спросил Колыванов. – От кого?

– Кто знает, – пожал плечами Лев Антонович. – Она говорила, что от Коли, вынуждала его жениться. А там кто знает, от кого она забеременела?

– Надо делать экспертизу, – задумался Колыванов. – Это мы выясним, кто отец ребенка. Факт немаловажный.

– А вот этого не надо, – торопливо сказал Шантель. – Какая еще экспертиза? И вообще, что вы заикнулись на ее беременности? Произошел несчастный случай, вот и все.

– А если ее кто-то толкнул? Например, ваш артист? Свидетели есть? Нет свидетелей. Вы сами-то где были?

– В комнате отдыха, прослушивал запись. Мы до этого записывали, и я решил проверить качество работы.

– И что, ничего не слышали? О чем они говорили?

– Нет. На мне же были наушники!

– А остальные? Где в это время находились остальные?

– Это вы у них спрашивайте, – устало огрызнулся Шантель. – И вообще, может, на сегодня хватит?

– А это мне решать.

И Колыванов вплотную занялся сначала Олегом, потом новым барабанщиком, следующим был звукоинженер. Шантель отвел Колю в сторону, краем уха прислушиваясь к разговору.

– ...стоял, курил, – бормотал звукоинженер. – На лестничной клетке. То есть на балкончике.

– А я ушел, но вернулся, – оправдывался новый барабанщик.

– Совсем?

– Вернулся?

– Ушел совсем? Из подъезда выходил?

– Да я, собственно... – парень замялся. – Нет, не выходил.

Стоял под дверью, ждал.

– Чего?

– Когда обратно позовут. Она же этого Эдика притащила. Фиса. Из-за нее все.

– Что все?

– Перессорились мы все.

В это время Колю как прорвало, он заговорил. Сначала бессвязно, потом все увереннее и увереннее. Шантель посмотрел на него с удивлением: очнулся! И переспросил:

– Что ты сказал?

– Все это уже было.

– Что было?

– Раньше. Когда я заканчивал десятый класс. Она тоже...

Умерла. Из-за меня.

– Коля, что ты такое говоришь?

– Я несчастья одни приношу! Я же не знал, что она так отреагирует!

– Кто умер? Как это из-за тебя? Когда?

– Девушка. Мы тоже поссорились и... В общем, меня подозревали в ее убийстве.

– А вот об этом молчи! Хотя... Ты представляешь, что сейчас начнется? Фанатки выпрыгивают из окна, потрясенные твоим исполнением! Можно такой пиар сделать на этом скандале! – загорелся Шантель.

– Ты что, не слышал?! Я тебе говорю: меня подозревали в убийстве! И сейчас тоже подозревают!

Коля сказал это так громко, что Колыванов обернулся.

– Тихо! – испугался Шантель. – Ты, пожалуй, прав. В тюрьме ты мне не нужен.

В этот момент в студию стремительно ворвался Эдик. И с порога набросился на Колю:

– Сволочь! Гад! Ты мне больше не друг! Так и знал, что этим кончится! Она тебе мешала!

– Ага, – тут же отреагировал Колыванов. – Николай, у меня к вам будет еще пара вопросов. В связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Остальных попрошу подождать

на лестничной клетке. Особенно вас.

И он выразительно посмотрел на Шантеля. Тот понял: надо выйти. Но черт его знает, что наговорит Колыванову Коля при закрытых дверях.

– Я не ясно сказал? – повысил голос опер.

«Сейчас он будет колоть моего золотого мальчика, – с тоской подумал Шантель. – Все летит к черту».

Он вышел на лестничную клетку и прикрыл за собой дверь. На площадке переминались с ноги на ногу Ленья с Лелей. Их очередь еще не пришла.

– Я, наверное, не смогу с вами больше работать, Лев Антонович, – сказал наконец Ленья.

– А что случилось?

– Нехорошо получается. Фиса умерла, и вы в этом виноваты. Они из-за вас ссорились. Вы ведь не хотели этой свадьбы. Нечестно это. И Леля говорит...

– Как ты сказал? Леля *говорит*? – Он едва не расхохотался.

– Лев Антонович, – к ним подошел Олег, – так как насчет завтрашней репетиции? Я передумал.

– Не будет никакой репетиции. Вон, Леля говорит, что я говно, – Шантель кивнул на смущенную парочку.

Олег удивленно поднял брови:

– Что ж... Выходит, я зря вернулся? А что теперь будет с Колькой?

– Все образуется, – поморщился Шантель. – Как-нибудь

образуется.

...Не образовывалось еще долго. Льву Антоновичу даже пришлось обратиться к Фонарину.

– Выпала из окна какая-то приبلудная деревенская девушка, – пожал плечами тот. – Чего они пургу гонят?

– Да опер попался несговорчивый. Следовательно согласен дело замять, а этот ни в какую. Прет буром. Кому чего хочет доказать – непонятно, – пожаловался Шантель.

– Уберем, – неприятно усмехнулся Фонарин. – Что нам опер? Мелкая сошка. Есть нужные связи, не переживай, Лева. Им самим неохота показатели портить. Тем более девушка приезжая, в Москве зарегистрирована не была. Доказательств-то, как я понял, все равно нет. Им можно только на чистосердечное рассчитывать. Если Колька будет молчать, спишут на несчастный случай.

– Может, лучше на самоубийство?

– Это они пусть сами решают, под какую статью подогнать. Главное, чтобы закрыли дело, и точка. А твой становится звездой, чуешь? Эва от него просто без ума.

– Боюсь, как бы Колька не сломался после всего этого.

– Брось! Не дадим.

Шантель не отходил от Коли ни на шаг. Тот бурно переживал смерть Фисы, стал выпивать и даже плакал по ночам.

– Мы вышлем ее семье деньги, много денег, – утешал его Шантель. – Она сама виновата, ты знаешь. Не надо было на тебя давить, я ее предупреждал.

– Мужики... Леня с Олегом...

– Что – Леня с Олегом?

– Боюсь, они теперь со мной не захотят работать...

– Плюнь. Тебе надо делать сольную карьеру. Ну кто они такие? А ты Николай Краснов! Была рок-группа «ЭНЛО», да распалась. Остался только ты. Но этого вполне достаточно.

– Я не смогу! – испугался Коля.

– Сможешь.

– А как же Фиса? Она ведь мне теперь будет сниться! И говорить, что я ее убил!

– Все уже прошло, Коля. Девчонка сама напросилась. Ей говорили: возьми деньгами. Она была никто, понимаешь? А тебе теперь везде зеленый свет. Скандальчик-то оказался нам весьма кстати. Ты газеты читаешь? В Инете шариишь?

– Нет. Не хочу.

– А зря. Твоя история снова на первых полосах. Журналисты телефон оборвали. В Инете эту новость обсуждают во всех блогах. Ты мегазвезда, Колька!

– Ты меня не бросишь, Лева?

– Да что ты! Ха! Брошу! У нас с тобой теперь все будет! Слава, деньги. Я тебе скоро квартиру куплю. Где ты хочешь квартиру?

– Квартиру?

– В каком районе? Выбирай!

– Рядом где-нибудь. С тобой. Не бросай меня, Лева. Мне что-то нехорошо. Не по себе.

– Скоро все образуется. Фонарин обещал. Его слово железное. Все образуется.

Через несколько дней их вызвали к следователю. Тот встал из-за стола, пожал руки обоим, сначала Коле Краснову, потом Льву Антоновичу:

– Очень приятно познакомиться. Очень. Такие знаменитости! Жене сегодня вечером расскажу. Вот, пригласил вас сообщить, что дело о смерти гражданки Семикиной Анфисы Федоровны закрыто. Из-за отсутствия состава преступления. Типичный несчастный случай. Так что мы вас больше не побеспокоим.

– А как же... – заикнулся было Шантель, – старший лейтенант Колыванов...

– Да, насчет Колыванова. Выявлены кое-какие нарушения. Злоупотребление служебным положением, превышение власти, ну и так далее. Такие люди порочат высокое звание офицера, – сурово сказал следователь. – Из органов он уволился, причем сам. Мы ему трудовую биографию портить не стали. Пусть отправляется в армию, наемником по контракту.

– Что ж... Так мы можем быть свободны?

– Да, конечно, – широко улыбнулся следователь.

– Пошли, Коля. – Шантель направился к двери, на всякий случай придерживая парня за плечо. Не дай бог сорвется.

– Минуточку, – остановил их следователь.

– Да? – Лев Антонович вздрогнул – не верилось, что все

закончилось.

– А автограф?

...Они остановились у ряда палаток при супермаркете возле метро. Коле захотелось мороженого. Шантель не возражал. Хотя обычно он беспокоился за Колино горло: не дай бог, простудится. Но сегодня был особый случай. И он позволил ему все.

– Давай постоим, воздухом подышим. Надо прийти в себя. Как мороженое? Вкусное? – заботливо спросил он.

– Спасибо, Лева.

– За что?

– Если бы не ты... Честное слово, бросил бы я все и уехал обратно к себе на родину. Ты не отказывайся от меня, я сделаю все, что ты скажешь. Помогии только... Я без конца об этом думаю... О ней. Ведь это была любовь, а? Настоящая?

– Кто его знает...

– Просто так получилось. Терпения у меня не хватило. И... Нет больше Фисы, – горько сказал Коля. – Парни откололись, с которыми я начинал, остались только ты да я. Если сейчас и с тобой что-нибудь случится... То это все. Конец.

– А что со мной может случиться?

– Ну, не знаю. Не по себе мне что-то. Внутри будто все сгорело. Один пепел остался. Ничего не хочу, ни во что не верю. Никогда еще мне не было так плохо. Вот тебе и парад планет!

– Постой... Слышишь?

Из торгующей компакт-дисками уличной палатки до них донесся голос Коли Краснова. Это была та самая песня: «Не мой день».

– Это слава, Коля. Самая настоящая слава. Если тебя слушают на рынке, значит, твои песни пользуются спросом и хорошо раскупаются. Ты счастлив?

И, заглянув в глаза Николаю Краснову, почти уже суперзвезде, Лев Антонович Шантель понял, что вопрос неуместен.

Часть вторая

Спутники

Два года спустя

Ио⁸

– Коля! Коля Краснов! Мы любим тебя!

– Любим!

– Любим!!!

У подъезда опять дежурит группа фанаток, девчонок лет пятнадцати-семнадцати. Они же стоят под окнами его квартиры, посылают какие-то сигналы. Это у них правило такое: устанавливать дежурство у дома своего кумира. Зачем? Чтобы он не чувствовал себя одиноким? Дорого бы Николай Краснов дал сейчас за это! Ощутить себя где-нибудь на необитаемом острове, в гордом одиночестве, в тишине и покое.

За два года клубы его поклонников расплодились по всей стране, словно Краснов окропляет их, своих фанатов, с экрана телевизора живой водой. Что уж говорить о концертах,

⁸ Ио – спутник Юпитера. В древнегреческой мифологии – возлюбленная Зевса, которую тот превратил в корову, чтобы спрятать от ревливой жены Геры. Долгое время Ио, пребывавшая в образе коровы, была обречена на молчание.

куда народ просто ломится! Вот что значит популярность!

Такое ощущение, что от преследователей невозможно спрятаться нигде. На днях случилась драка между фанатами за честь дежурить возле этого самого подъезда – местные спорили с приезжими из области. Николай смотрел, как девчонки пытаются вцепиться друг другу в волосы, визжат и стонут, и чувствовал, что сходит с ума. Зачем все это? Одни доказывают другим, что любят кумира больше? Сила любви измерялась частотой ударов. Он попытался остановить это безумие, пока не понял, что его могут разорвать на клочки. От великой любви. Каждый ведь захочет унести с собой на память кусочек Коли Краснова.

Победившие внушали ему ужас. Они сильнее, злее, словно волчата, окрепшие в борьбе за выживание. Отстояли право на него, на его дом, на его личную жизнь. У них молодые, острые зубы. Страшные зубы. Его аж передернуло. Он втянул голову в плечи, чтобы пробежать мимо них, никого не коснувшись, и не дать дотронуться до себя.

– А вас дома ждут, – угодливо сказала одна из девчонок.

– Спасибо, – машинально откликнулся он и сделал над собой усилие, чтобы не зажать уши:

– Мы любим тебя!

– Лю-у-у-бим!!!

Он забежал в подъезд, махнув по пути с десятков автографов. Когда-то это доставляло Николаю Краснову несказанное удовольствие. Он звезда! А теперь... Боже, во что они

превратили подъезд! Уже не раз жильцы дома требовали от него: «Прекратите это безобразие! Мы не успеваем делать ремонт!» Грозили общим собранием, публичным порицанием и огромным штрафом. Николай покорно платил за кодовые замки и железные двери, но подростки все равно умудрялись каким-то образом проникать в подъезд и писать на стенах: «Коля! Коля Краснов! Мы с тобой! Мы любим тебя! Любим!!!» Они были поистине вездесущи и неуловимы. Подкупали консьержек, которые увольнялись так часто, что новых находить не успевали.

Когда Николай покупал квартиру, он не думал, что так будет. Да и денег у него тогда было немного. Результат: обычная панельная многоэтажка, спальный район. Пора подумать о другом жилье, о коттедже где-нибудь на Новой Риге и о личной охране. Но Коля решать такие вопросы не умел, а Шантель почему-то жался: как-нибудь обойдется.

Приходилось терпеть непрошенных гостей. Они считали за честь выпить пивка или покурить травку именно в подъезде своего кумира, потом заняться любовью на широких подоконниках и поговорить о своих подростковых проблемах. Полиции давно уже надо было установить здесь постоянное дежурство, но, как там все время говорят, кадров не хватает. А у этих всегда хватает кадров. У фанатов. И стены вновь исписаны, пол загажен.

Ехал в лифте, окруженный собственными цитатами. И когда только успел понаписать столько глупостей? Вот в такие

моменты и делается стыдно. Все, что давно хотелось забыть, множится со страшной силой и напоминает о себе вновь и вновь. Интересно, а кто его ждет дома? Как это кто? Будто ключ от его квартиры есть у многих людей! Да их по пальцам можно пересчитать!

Звонить он не стал, открыл дверь своим ключом. Вошел в прихожую, включил свет и громко позвал:

– Ева!

Ни звука в ответ. Да она и не откликнется. Если Ева дома, она обязательно в спальне. Кажется, телевизор включен, откуда-то идет звук. Он прошел в спальню. Так и есть.

– Здравствуй, Ева!

Она повернула голову в его сторону, молча кивнула. Ну что за женщина!

– Вот уже два месяца как мы официально развелись, а ты все ходишь сюда. Зачем?

И снова в ответ ни звука.

– Отдай мне ключ, – попросил он.

Она отрицательно покачала головой.

– Почему? Ева, почему?

Он никак не мог понять своих отношений с этой женщиной. Два года назад они поженились, два месяца назад разошлись, и все беззвучно. И жили молча, и на суде молчали, предоставив говорить адвокатам, а потом еле выдавили из себя: «согласна», «согласен». Он еще нашел в себе силы добавить: «на развод». Она промолчала.

Когда они еще были женаты, Коля пытался хоть как-то общаться с женой и делал это следующим образом: записывал телевизионные передачи, которые Ева вела, и время от времени просматривал эти диски. Еще залезал в Инет и подолгу смотрел на нее, говорящую. Было ощущение, что это говорит не Ева, у нее только губы шевелятся, а голос накладывают другой женщины. Если бы она могла так много говорить, она бы ему хоть как-то объяснила свое поведение.

Жена бродила по дому безмолвно, как тень, а он ставил диск и слушал якобы ее голос:

– А сейчас в эфире я, Ева, и горячая русская двадцатка! На последнем, двадцатом месте – группа, которая...

Краснов с нетерпением ждал окончания передачи, которая частенько заканчивалась так:

– И наконец, сейчас мы узнаем, кто же возглавляет хит-парад, кто занимает первую строчку в рейтинге, кого вы больше всего хотели бы сегодня услышать! Да-да-да, я так же, как и вы, надеюсь, жду с нетерпением... Да-да-да! Это снова мой обожаемый Николай Краснов! Итак, смотрим клип!

«Обожаемый» супруг в этот момент пытался пообщаться с женой в режиме онлайн, а не посредством видеозаписи.

– Я на самом деле тебе не безразличен?

Она молча кивала.

– Ева, почему ты молчишь? У тебя горе какое-то случилось? Тяжелое детство? Да? Я прав? Стресс? С Фонариным было что-то не так? Ева? Но я же не могу все время идти

на ощупь, ты хотя бы подскази! Я-то не делаю тебе ничего плохого!

– Я...

– Ну, что?

– Нет, ничего. Где мои сигареты?

Она курила почти беспрерывно. Курила и молчала. Он выдержал год и восемь месяцев ее молчание и дым от сигарет с ментолом, который окутывал их спальню. И вот теперь она снова лежит на кровати безмолвно, курит и не хочет отдавать ключ.

Он догадывался, где Ева сейчас живет. У Фонарина, где же еще? В его роскошных апартаментах, в пентхаусе. Или он снял ей квартиру. Таковую же роскошную, где фанаты не портят надписями стены в холле, где круглосуточная охрана и все прочие прелести жизни. Николаю Краснову не хотелось знать подробности. Хотелось только, чтобы она отдала ключ от *его* квартиры и перестала сюда ходить. Потому что это невыносимо!

– Ну хорошо. Хотя бы объясни, зачем ты приходишь? Ты же ни поесть не можешь приготовить, ни уборку никогда не делаешь. Ты ничего этого не умеешь. Да и не пыталась никогда научиться. А ведь сегодня у домработницы выходной. Неужели ты не видишь, что в квартире грязно? И холодильник пустой. А когда ты уйдешь, здесь повсюду будут окурки! Ты хотя бы за собой убери! Ева! Ну почему ты молчишь?! Если бы ты хоть готовить умела или как-нибудь по-другому

выказывала заботу обо мне, я никогда не подал бы на развод. Но от тебя же совершенно нет никакого толку! Ты как мебель в этом доме! Но ты же не табуретка, не торшер. Ты – человек. Ева!

– Фонарин ждет, – нехотя сказала она. – Поехали.

– Как это ждет? Почему *ты* мне об этом говоришь?

Она не ответила и вытащила из пачки еще одну сигарету.

– Так. Значит, ты опять к нему вернулась. Я так и думал: вы живете вместе. Ева? Если будешь молчать, я никуда не поеду.

– Это сюрприз.

– Какой еще сюрприз? – вздрогнул он.

– Приятный.

Надо же! Сегодня бывшая жена на редкость общительна!

– А Лева? Лева знает?

Кивок. Он понял, что больше из нее не вытянуть ни слова.

Ну что за женщина!

– Ладно, поехали, – сказал он нехотя. Потом тоскливо попросил, без всякой надежды на успех: – Отдай ключ, а?

Она отрицательно покачала головой: не отдам. Он давно уже догадался: Ева сумасшедшая. Фонарин, видимо от большой любви, изо всех сил пытается оживить эту сломанную куклу. Даже замуж ее выдал. Ничего не получилось. Она так и не ожила, не превратилась в нормального человека. Бесполезно. Ей бы лежать в четырех стенах, бессмысленно глядя в потолок, и молчать. Коля чувствовал, что здесь таится ка-

кая-то загадка, но разгадать ее за два года, увы, не смог. Ева ему никак не помогала, и он сдался.

— Ну, хорошо, — сдался он и на этот раз. — Тебе когда-нибудь это надоест, и ты перестанешь сюда приходить... Я поеду к Фонарину, только поем по-быстрому и переоденусь. Что? Еды нет? Я позвоню и закажу пиццу. Времени нет? Там накормят? Ева, там эти... На улице... Ты не боишься? А я боюсь. Каждый день хожу и боюсь, что какой-нибудь сумасшедший воткнет мне нож в спину. Хотя бы для того, чтобы прославиться.

Он был сегодня на удивление разговорчив. Словно предчувствовал, что в недалеком будущем жизнь изменится, изменится к худшему, и спешил поделиться с человеком, которому явно был безразличен. Иначе зачем бы ей сюда приходить после развода? Странно, почти два года прожили вместе и не поругались ни разу! Как всякая нормальная супружеская пара. Если это любовь с ее стороны, то тоже какая-то странная. Но он ей безразличен.

— Они должны меня ревновать, — не унимался он. — К тебе. Ева? Ты разве не боишься? Похоже, ты ничего не боишься. Ладно, я готов.

Он говорил все это, снимая с себя свитер, потом джинсы, носки, трусы, потому что вспотел и хотел надеть чистое белье. Решил было пойти в душ, но она сделала отрицательный жест: опоздаем. Он подчинился. Ева курила и безразлично смотрела, как он раздевается догола. Просто лежала и смот-

рела. Он вдруг вспомнил, что тело у самой Евы идеальное, но вспомнил также, что пользовался им только в крайних случаях. Когда уже было все равно – или она, или резиновая надувная кукла.

– Ты не хочешь? – спросил вдруг он.

Она удивленно подняла брови: «Чего?»

– Ну, этого. – Сказать «любви» язык не повернулся, какая же это любовь?

Она подумала секунд пять, потом сделала знакомый жест рукой: медленно начала вытаскивать из пышной прически шпильки, одну за другой. Значит, не так уж все срочно. Можно и в душ заглянуть.

– Не надо, – поморщился он. – Сама же сказала: опоздаем. Ну что, поехали? Я готов.

Она так же безразлично стала втыкать шпильки обратно.

И снова он ехал в лифте в окружении собственных цитат и готовился пройти сквозь строй. Выйти из подъезда значило далеко не то же самое, что войти в него. Если вошел, значит, все в порядке, птичка в клетке. Они спокойны, потому что местоположение кумира определено. Выход же означает побег, поэтому они становятся особенно агрессивны. Куда поехал, зачем? Скоро кумир станет совсем недоступен, а вдруг именно там и произойдет все самое интересное?

– Ева...

Она поняла и легонько сжала его руку: ничего не бойся, мы вместе. И вышла из подъезда с улыбкой первой.

– Жена-а... – разочарованно выдохнула одна из поклонниц.

– Бывшая!

– А чего она тогда здесь делает?

– Она же ведущая «Музпрогноза»! Пришла на передачу пригласить! Они в Останкино едут! На запись!

– А когда это покажут?

– Прямой эфир или нет?

– Коля, когда?

Ева молча кивнула на свою машину: Коля, садись.

– А обратно? – с опаской спросил он. – Ты меня привезешь? Или мне закажут такси? Кто вообще отвечает за организацию этого мероприятия?

Бывшая жена практически не пила, и Коля очень ценил это ее качество. Всегда мог рассчитывать, что после тусовки, которые заканчиваются далеко за полночь, он без проблем доберется домой. И на этот раз Ева кивнула: все будет в порядке.

Фанатки достали заранее приготовленные коробки с компакт-дисками и его фото и кинулись к машине. Он, почти не глядя, махнул пару раз ручкой, оставил автографы, потом торопливо полез в салон. Ева предусмотрительно распахнула дверцу.

– И все-таки что за сюрприз? – спросил он, когда машина тронулась. Ответа так и не получил, стало еще тревожнее.

Но ничего, там будет Лева Шантель, а значит, все как-ни-

будь образуется...

* * *

... Припарковав машину, Ева тут же достала смартфон и провела длинным ногтем по дисплею. Потом сказала одно только слово «приехали» и кивком показала бывшему мужу: «Вылезай!»

Прежде чем войти в клуб, он с усмешкой посмотрел на сверкающую неоновую вывеску. Здесь все и начиналось. Никому не известным парнем он вошел в эту дверь, а дальше... Дальше его все время вели по жизни чьи-то уверенные руки и наконец сделали с ним *это*.

В огромном сияющем холле его встретил сам Виктор Петрович Фонарин, причем с распростертыми объятиями:

– Кто к нам пришел! А? Заждались! Только тс-с-с... Ты здесь инкогнито, иначе не будет никакого сюрприза. Отойдем-ка в сторонку.

Коля какое-то время был в шоке от вида преуспевающего господина бизнесмена. И когда это Фонарин успел отрасстить волосы?! Теперь они резинкой стянуты в хвост, который смешно торчит на затылке. Волосы жидкие, так что череп просвечивается между редкими прядями. Но хвост – это еще не все. На лице у Фонарина отчетливо выделяются тонкие темные усики. И еще черные очки. Как раз той формы, какую предпочитает Николай Краснов. Толщина бизнесмена

равна сумме Коля + Коля, но Фонарина это не смущает. Его, кажется, вообще ничего не смущает. Ведь в таком виде он похож на клоуна.

– И как я тебе, а? – подмигнул Виктор Петрович.

– Зачем это? – только и смог выдавить из себя растерявшийся Николай.

– Ну, ты, Колька, даешь! Это же самый писк! Фишка такая. Этот, как его... Эва? Во! Тренд! Народу, понимаешь ли, нравится твой имидж. Вот и я соблазнился.

– Вам-то это зачем?

– Да говорят, стильно. Может, Эве хочу понравиться, а?

– Но...

Он подумал, что это смешно. Фонарин должен рвать и метать. Коля Краснов его ожиданий не оправдал и развелся с девчонкой. Но Виктора Петровича это, похоже, мало беспокоит.

– Коля! – Он обрадовался: Шантель. Сейчас ему все объяснят. – А почему не позвонил? Я бы машину организовал. Кто тебя привез? Ева?

– Что за сюрприз? Лева?

– О-о-о!.. – затянул Фонарин. – Потрясающая идея! Ты в метро давно не ездил?

– В метро?!

– Между прочим, там парней твоего вида скоро будет через одного. Я на этих очках состояние сделаю. Мода. Футболки идут уже нарасхват.

– Какие футболки?

– Как это какие? С твоей физией! Бумаги подписывал?

– Я... Какие бумаги?

– О том, что продаешь душу дьяволу, – Фонарин хохотнул. – Ты мой со всеми потрохами, и настал момент, когда я очень выгодно тебя продаю. Кстати, надо рассчитаться. Тебе положен процент. Зайдешь после мероприятия в мой кабинет, я денег дам. На всем, Коля, надо делать деньги.

– Вы за этим меня пригласили?

– Нет, что ты! Новый грандиозный суперпроект!

От этих слов Краснова последнее время бросало в дрожь. Неужели никто не хочет понять, что он давно уже мечтает отдохнуть? Нет, не на модный курорт поехать, не на очередной фестиваль и не за границу. Просто отдохнуть, насладиться одиночеством, тишиной, покоем.

– Мне придется петь? – спросил устало.

– Сегодня твое место в зрительном зале, – оскалился Фонарин. – Сиди, наслаждайся.

– Лева, – повернулся Коля к Шантелю.

– Все будет в порядке. – Лев Антонович легонько сжал его руку.

Краснов машинально отметил, что за эти два года господин продюсер сильно изменился. Располнел, стал ленивым и вальяжным. А раньше был похож на ртутный шарик: все время искал, где лучше. Где бьют живительные родники денежных средств. И надо же! Попал в жилу! Выходит, что те-

перь можно и отдохнуть от трудов праведных?

Один из личных секретарей Фонарина, обожавшего окружать себя всякими прилипалами, тайно провел Колю в зал и усадил за столик.

Все в этот вечер было, как обычно. Публика ела, пила, веселилась, ее развлекали, как могли. Фонарин все делал с размахом, недаром его заведение процветало. Концертная программа у него всегда считалась одной из лучших в Москве. Виктору Петровичу хватало ума самому здесь не петь, а приглашать настоящих звезд. И суперзвезд. Таких, например, как Коля Краснов, способных воспламенить публику.

Но сегодня знаменитый певец сидел в зрительном зале, тоже что-то пил, торопливо жевал, поскольку был сильно голоден. Его, как говорится, взяли тепленьким.

– А сейчас сюрприз! Дамы и господа, сюрприз! Объявляется конкурс! Кто больше всех похож на Николая Краснова?

Коля чуть не подавился куском мяса. Что это Фонарин задумал?

– Вот вы, молодой человек! И вы! На сцену попрошу!

Он с ужасом смотрел, как на сцену поднимается несколько Николаев Красновых. Его клонов. Длинные волосы, стянутые в хвост, черные очки, тонкие усики. Публика приветствует их с энтузиазмом:

– Давай! Давай!

– И вы!

Коля вздрогнул: палец раскрытого телеведущего, ме-

дийного лица, был направлен в его сторону.

– Я?!

– Пожалуйста, на сцену!

Он слегка разозлился: да пожалуйста! Он-то настоящий, подлинный. Сейчас все это увидят. Аплодисменты. Что? Не ему? Ах, всем!

– А теперь попросим вас что-нибудь спеть!

Это уже было похоже на издевательство! Ведущий передал одному из стоящих на сцене парней микрофон. Зазвучало вступление к одной из песен Николая Краснова.

– Подпевайте! – хлопнул в ладоши ведущий. – Хором, все! Где ваши руки?! Я не вижу ваших рук!!!

– Я сегодня немой, значит, день был не мой...

Парень монотонно забубнил в микрофон, зато публика заорала, полностью заглушая его голос. Всем, похоже, было весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.